

ДАДСКИЕ

ПРИТЧИ

ББК 84(2Рос=Рус)6

Д19

ISBN 978-5-905348-16-7

Даосские притчи

/ СПб.: «АНИМА» 2012. - 288 с. с илл.

© Издательство «АНИМА», сост., оформл., 2012

© ООО «Август», 2012

ДАОССКИЕ ПРИТЧИ

Дао дождя

Некогда в одной тайской деревне долго не было дождя, и жители позвали на помощь путешествующего даоса. Не заходя в деревню, он заперся в хижине на окраине и сидел там три дня, а на четвёртый пошёл дождь.

Жители деревни восприняли это как должное: пришёл даос и всё наладил. Но европеец, который случайно там оказался, был очень впечатлён. Из любопытства он спросил у даоса, как ему удалось вызвать дождь?

Даос удивился:

– Какой дождь? Я не вызывал никакого дождя. Просто подходя к деревне, я заметил, что здесь очень возмущено Дао, и от этого нарушилось моё Дао. Я немедленно заперся в хижине и три дня восстанавливал своё Дао. Теперь оно восстановлено, и я иду дальше.

Голос

Цзэн-цзы жил в царстве Вэй. Он носил старый латаный халат без подкладки, лицо его осунулось, а руки и ноги покрылись мозолями. По три дня он не разводил в доме огня, по десять лет не покупал себе новой одежды. Поправит шапку – завязки оторвутся, возьмётся за ворот – локти вылезут из ветхих рукавов, схватится за сандалии – задники оторвутся.

Невзирая на это, он распевал древние гимны, и голос его, подобный звону металла и яшмы, наполнял Небо и Землю. Импе-

ратор не раз хотел сделать Цзэн-цзы своим советником, да только тот отказывался. Многие удельные владыки почли бы за честь иметь его среди своих друзей, но и с ними он не спешил сходитьсь.

Недаром говорят, что пестующий в себе волю забывает о теле, а взыскующий Дао забывает о разуме.

Никаких желаний

Хуэй Ши спросил Чжуан-цзы:

– Может ли человек совсем ничего не чувствовать, не испытывать никаких желаний?

– Может, – ответил Чжуан-цзы.

– Но можно ли тогда назвать его человеком? – спросил Хуэй Ши.

– Ты не понимаешь, что такое чувства, – ответил Чжуан-цзы. – Я говорю о человеке, который не вредит своему телу, потакая страстям. Он принимает жизнь как есть и позволяет ей протекать своим чередом.

– Но если он не улучшает того, что дано жизнью, как он может

проявить себя в этом мире?

– Дао сделало его таким, каков он есть, Небо дало ему тело, а сам он, не потакая страстям, не причиняет вреда своему телу. Вот и всё! А ты привязываешь свой дух к внешним вещам, не имеющим к тебе отношения, а внутри истощаешь жизненную силу Ци. Прислонись к дереву и пой! Облокотись о столик и спи! Небо дало тебе тело и наполнило его жизнью, а ты утомляешь своё тело в бесконечных ненужных спорах и беседах.

Даос и судьба

Один даос всем говорил, что может повлиять на свою судьбу. Услышала это его судьба и явилась к нему в образе старухи с мешком.

– В этом мешке, – сказала старуха, – вся твоя жизнь, а я твоя судьба. Ответь, как ты сможешь повлиять на меня, если я предопределяю дорогу твоей жизни?

Недолго думая, даос схватил старуху, ударил её по голове палкой, отобрал мешок и пошёл своим путём.

Верно говорят Спокойные: «Всегда найдётся и третье решение». Кто теперь не поверит даосу, если тот скажет, что повлиял на свою судьбу?

Испорченная прогулка

Лао-цзы каждый день ходил рано утром на прогулку. Его сопровождал сосед. Но он знал, что Лао-цзы – человек молчания. Так что в течение многих лет он сопровождал его в утренних прогулках, но никогда ничего не говорил. Однажды у него в доме был гость, который тоже захотел пойти на прогулку с Лао-цзы.

Сосед сказал:

– Ничего не говори, так как Лао-цзы хочет жить непосредственно. Ничего не говори!

Они вышли, а утро было так прекрасно, так тихо, пели птицы.

По привычке гость сказал:

– Как прекрасно!

Только это, и ничего больше за часовую прогулку, но Лао-цзы глянул на него так, будто тот совершил проступок.

Вернувшись домой, входя в дверь, Лао-цзы сказал соседу:

– Никогда больше не приходи! И никогда никого не приводи! Этот человек, похоже, слишком разговорчив. Утро было прекрасным – таким тихим! Этот человек всё испортил.

Болезнь или мудрость

Дядя Дракона сказал Вэнь-Чжи:

– Тебе доступно тонкое искусство. Я болен. Можешь ли меня вылечить?

– Повинуюсь приказу, – ответил Вэнь-Чжи. – Но сначала расскажи о признаках твоей болезни.

– Хвалу в своей общине не считаю славой, хулу в царстве не считаю позором; приобретая, не радуюсь, теряя, не печалюсь. Смотрю на жизнь, как и на смерть; смотрю на богатство, как и на бедность; смотрю на человека, как и на свинью; смотрю на себя, как и на другого; живу в своём доме, будто

на постоянном дворе; наблюдаю за своей общиной, будто за царствами Жун и Мань. Меня не прельстить чином и наградой, не испугать наказанием и выкупом, не изменить ни процветанием, ни упадком, ни выгодой, ни убытком, не поколебать ни печалью, ни радостью. Из-за этой тьмы болезней не могу служить государю, общаться с родными, с друзьями, распоряжаться женой и сыновьями, повелевать слугами и рабами. Что это за болезнь? Какое средство может от неё излечить?

Вэнь-Чжи попросил больного встать спиной к свету и стал его рассматривать.

– Ах! – воскликнул он. – Я вижу твоё сердце. Его место, целый цунь, пусто, почти как у мудреца! В твоём сердце открыты шесть отверстий, седьмое же закупорено. Возможно, поэтому ты и считаешь мудрость болезнью? Но этого моим ничтожным искусством не излечить!

Извивающийся змей

Гуань Чжун правил колесницей, когда царь Хуань-гун охотился на болоте и увидел духа. Царь дотронулся до руки Гуань Чжуна и спросил:

– Видел ли ты что-нибудь, отец Чжун?

– Я, ваш слуга, ничего не видел, – ответил Гуань Чжун.

Вернувшись, царь лишился сознания, заболел и несколько дней не выходил.

Тогда Чжуан-цзы, Обвинитель Гордыни, сказал:

– Как мог дух повредить царю? Царь сам себе повредил! Ведь от гнева эфир рассеивается и не воз-

вращается, поэтому его и не хватает. Если, поднявшись, эфир не спускается, человек становится вспыльчивым; если, опустившись, не поднимается, тогда человек становится забывчивым; если, не поднимаясь и не опускаясь, остаётся в середине, в сердце, человек заболевает.

– Но существуют ли тогда духи? – спросил царь.

– Существуют, – ответил Чжуан-цзы. – У озера есть Соломенный Башмак, у очага – Высокая Причёрка, в куче сора во дворе обитает Гром, в низине на северо-востоке на берегу реки прыгает Лягушка, в низине на северо-западе обитает Домовой; в реке есть Водяной; на холмах – Разноцветная Собака, в

горах – Одноногий, в степях – Двуглавый Змей, на болотах – Извивающийся Змей.

– Расскажи, как выглядит Извивающийся Змей? – спросил царь.

– Извивающийся Змей, – ответил Чжуан-цзы, – толщиной со ступицу, а длиной с оглоблю, одет в фиолетовое платье и пурпурную шапку. По природе он зол. Заслышав грохот колесницы, встаёт стоймя, охватив голову. Тот, кто его увидит, станет царём царей.

– Вот его-то я, единственный, и увидел, – сказал царь и захохотал.

Тут он оправил на себе одежду и шапку и уселся рядом с Чжуан-цзы. День ещё не кончился, а болезнь незаметно прошла.

Мудрый царь

Ян Чжу встретился с Лао-цзы и спросил:

– Можно ли сопоставить с мудрым царём человека сообразительного и решительного, проникательного и дальновидного, который без усталости изучает путь?

– При сопоставлении с мудрым, – ответил Лао-цзы, – такой человек выглядел бы как суетливый мелкий слуга, который трепещет в душе и напрасно утруждает тело. Ведь говорят: «Красота тигра и барса – приманка для охотников; обезьяну держат на привязи за её ловкость, а собаку за умение загнать яка».

Разве можно такого сопоставить с мудрым царём?

– Дозвольте спросить, как управлял мудрый царь? – задал вопрос Ян Чжу, изменившись в лице.

– Когда правил мудрый царь, успехи распространялись на всю Поднебесную, а не уподоблялись его личным; преобразования доходили до каждого, а народ не опирался на царя; никто не называл его имени, и каждый радовался своему. Сам же царь стоял в неизмеримом и странствовал в небытии.

Будьте живыми

Один из тайных ключей Дао гласит: «То, что в вас прекрасно, нужно скрыть и никогда не демонстрировать. Когда истина спрятана в сердце, она прорастает, как зерно, брошенное в землю. Не извлекайте его наружу. Если вы извлечёте зерно на всеобщее обозрение, оно умрёт без пользы».

Случилось так, что Чжуан-цзы стал весьма знаменит, и император пригласил его возглавить кабинет министров. Лао-цзы рассердился:

– Что-то ты не так делаешь, иначе с чего бы император заинтересовался твоей особой? Ты, верно, оказался чем-то полезен. Похоже,

ты что-то не понял в моём учении. Теперь тебе не найти покоя.

Как-то Чжуан-цзы ловил рыбу в реке. Чуский правитель направил к нему двух сановников с посланием, в котором говорилось: «Хочу возложить на Вас бремя государственных дел».

Чжуан-цзы, продолжая ловить рыбу, сказал:

– Я слышал, что в Чу имеется священная черепаха, которая умерла три тысячи лет тому назад. Правители Чу хранят её, завернув в покровы и спрятав в ларец в храме предков.

– Да, это так, – ответили сановники.

– Что бы предпочла эта черепаха, быть мёртвой, но чтобы почитались оставшиеся после неё кости, или быть живой и волочить свой хвост по грязи?

Оба сановника ответили:

– Предпочла бы быть живой и волочить свой хвост по грязи.

Тогда Чжуан-цзы сказал:

– Уходите! Я тоже предпочитаю волочить свой хвост по грязи.

Приметы вора

Как-то пропал у одного человека топор. Подумал он на сына своего соседа и стал к нему приглядываться: ходит – как укравший топор, глядит – как укравший топор, говорит – как укравший топор; словом, каждый жест, каждое движение выдавали в нём вора.

Но вскоре тот человек стал вскапывать землю в долине и нашёл свой топор. На другой же день снова посмотрел на сына своего соседа: ни жестом, ни движением не походил он на вора.

Была ли корысть?

Цзэн-цзы дважды служил, и чувства его дважды менялись. Он сказал:

— Я служил при жизни родителей, получал лишь три фу, а сердце радовалось. Потом получал три тысячи чжуанов, но не посылал родителям, и сердце печалилось.

Ученики спросили у Конфуция:

— Можно ли такого, как Цзэн-цзы, считать бескорыстным?

— Была корысть. Разве свободный от неё предавался бы печали? Такой смотрел бы на три фу или на три тысячи чжуанов, как пташка на пролетающего перед ней комара.

Вера в ложь

В свите Фаня состояли родовитые люди. Одетые в белый шёлк, они разъезжали в колесницах или, не спеша, прохаживались, посматривая на всех свысока.

Увидев Кая с Шан-горы, старого и слабого, с загорелым дочерна лицом, в простой одежде, все они отнеслись к нему презрительно и принялись издеваться над ним, как только могли: насмехались, били, толкали, перебрасывали от одного к другому. Но Кай с Шан-горы не сердился, прихлебатели устали, и выдумки их исчерпались.

Тогда, взойдя вместе с Каем на высокую башню, один из них

пошутил:

– Тот, кто решится броситься вниз, получит в награду сотню золотом.

Другие наперебой стали соглашаться, а Кай, приняв всё за правду, поспешил броситься первым. Точно парящая птица, опустился он на землю, не повредив ни костей, ни мускулов.

Свита Фаня приняла это за случайность и не очень-то удивилась. А затем кто-то, указывая на омут в излучине реки, снова сказал:

– Там драгоценная жемчужина. Нырни – и найдёшь её.

Кай послушался и нырнул. Вынырнул же действительно с жемчужиной.

Тут все призадумались, а Фань велел впредь кормить Кая вместе с другими мясом и одевать его в шёлк.

Но вот в сокровищнице Фаня вспыхнул сильный пожар. Фань сказал:

– Сумеешь войти в огонь и спасти шёлк – весь отдам тебе в награду, сколько ни вытащишь!

Кай, не колеблясь, направился к сокровищнице, исчезал в пламени и снова появлялся, но огонь его не обжигал, и сажа к нему не приставала.

Все в доме Фаня решили, что он владеет секретом, и стали просить у него прощения:

– Мы не ведали, что ты владе-

ешь чудом, и обманывали тебя. Мы не ведали, что ты — святой, и оскорбляли тебя. Считай нас дураками, считай нас глухими, считай нас слепыми! Но дозвожь нам спросить, в чём заключается твой секрет?

— У меня нет секрета, — ответил Кай. — Откуда это — сердце моё не ведаёт. И всё же об одном я попытаюсь вам рассказать.

Недавно двое из вас ночевали в моей хижине, и я слышал, как они восхваляли Фаня: он-де может умертвить живого и оживить мёртвого, богатого сделать бедняком, а бедного — богачом. И я отправился к нему, несмотря на дальний путь, ибо поистине у меня

не осталось других желаний. Когда пришёл сюда, я верил каждому вашему слову. Не думая ни об опасности, ни о том, что станет с моим телом, боялся лишь быть недостаточно преданным, недостаточно исполнительным. Только об одном были мои помыслы, и ничто не могло меня остановить. Вот и всё.

Только сейчас, когда я узнал, что вы меня обманывали, во мне поднялись сомнения и тревоги. Вспомнил я о том, как посчастливилось не стореть, не утонуть — и от горя, от страха меня бросило в жар, охватила дрожь. Разве смогу я ещё раз приблизиться к воде и пламени?

С той поры удальцы Фаня не осмеливались обижать нищих и коновалов на дорогах. Встретив их, кланялись, сойдя с колесницы.

Узнав об этом, Цзай Во сообщил Конфуцию. Конфуций же сказал:

– Разве ты не знаешь, что человек, полный веры, способен воздействовать на вещи, растрогать небо и землю, богов и души предков, пересечь Вселенную с востока на запад, с севера на юг, от зенита до надира. Не только пропасть, омут или пламя – ничто его не остановит. Кай с Шан-горы поверил в ложь, и ничто ему не помешало. Тем паче, когда обе стороны искренни. Запомни сие, юноша!

Ввериться потоку

Конфуций у моста загляделся на реку: водопад ниспадал с высоты. Водоворот бурлил.

А некто старался перейти его вброд. Конфуций послал к этому человеку учеников, чтобы удержать его и сказать:

– Тому, кому вздумается через него перебраться, – придётся нелегко!

Но человек их не послушался: он перешёл через поток и выбрался на другой берег.

– До чего же вы ловки! – воскликнул Конфуций. – У вас, видно, есть свой секрет? Как вам удалось войти в такой водоворот и

Конфуций

выбраться оттуда невредимым?

И человек ответил так:

– Как только я вступаю в поток – весь отдаюсь ему и вверяюсь. Отдавшись и вверившись, располагаю свое тело в волнах и течениях, не смея своевольничать. Вот почему я могу войти в поток и снова выйти.

– Запомните это, ученики! – сказал Конфуций. – Воистину, даже с водой, отдавшись ей и вверившись, можно сродниться – а уж тем более с людьми.

Верховный судья

Император Китая встретился с Лао-цзы и был настолько очарован им, что назначил его верховным судьёй.

Лао-цзы пытался отказываться от назначения, но тщетно. Тогда он согласился и сказал:

– Вы будете сожалеть об этом назначении, так как мои пути понимания и видения полностью отличаются от ваших.

Император настаивал, ибо был уверен в великой мудрости этого человека.

Лао-цзы занял место верховного судьи и первое дело, которое он рассматривал, было о человеке,

которого схватили на месте преступления за воровство в доме богача. Фактически дело не рассматривалось, поскольку вора поймали на месте преступления, и он сам признался в содеянном.

Лао-цзы вынес ему знаменитый приговор, настолько мудрый, что никогда, ни до него, ни после никто не выносил такого приговора. Он гласил, что вора нужно отправить в тюрьму на шесть месяцев и богача тоже следует заключить на такой же срок.

Богач промолвил:

– Не верю своим ушам! Мои деньги украдены, и меня же в тюрьму? То же самое наказание, что и вору! За что?

Лао-цзы сказал:

– Ты и есть первый вор, а он уже второй. Но тебе следовало бы вынести более суровое наказание. Ты собрал все ценности столицы в свои закрома и сделал тысячи людей голодными, а ведь это люди, чьими трудами всё это создано! Ты великий эксплуататор.

Весь зал хранил молчание. Богач же сказал:

– Возможно, ты прав, но перед тем, как отправиться в тюрьму, я хочу видеть императора.

Встретившись с императором, он сказал:

– Вы поставили верховным судьей человека, который осудил меня. Но помните, если я – вор, то

вы – гораздо больший вор. Вы эксплуатируете всю страну. Отстраните этого человека, иначе он и вас объявит вором.

Император сказал:

– Признаю, это моё упущение, он предупреждал меня, что его понимание совершенно отлично от нашего. Мы поправим это дело.

Лао-цзы освободили от его обязанностей, и император сказал:

– Ты был прав, прости меня. У нас действительно разные способы мышления.

Возвращение к единству

У соседа Учителя пропал баран. Чтобы его найти, сосед поднял на ноги всю общину и попросил Учителя дать в помощь его учеников.

– Зачем так много людей для поисков одного барана? – спросил Учитель.

– На дороге много развилок, – ответил сосед.

– Отыскали барана? – спросил Учитель, когда они вернулись.

– Нет! Пропал!

– Почему же пропал?

– А потому что после каждой развилки на дорогах есть ещё развилки. Мы не знаем, по которой

баран ушёл, поэтому и вернулись.

От огорчения Учитель изменился в лице и надолго умолк. За весь день он ни разу не улыбнулся. Удивляясь, ученики спросили его:

– Почему вы перестали говорить и улыбаться? Ведь баран – скотина дешёвая. К тому же он вам не принадлежал.

Учитель ничего не ответил, и они ничего не поняли. Один из учеников поведал обо всём судье. На другой день судья вместе с этим учеником пришёл к учителю.

– Осмелюсь задать вам вопрос, – сказал судья. – Кто из трёх братьев прав, а кто – не прав?

Некогда три брата учились у

одного наставника. Постигнув учение о милосердии и долге, они вернулись домой. «Каково же учение о милосердии и долге» – спросил их отец. Старший брат ответил: «Милосердие и долг велят мне беречь самого себя, а затем уж свою славу». Средний брат ответил: «Милосердие и долг велят мне стремиться к славе, не жалея при этом себя». А младший брат сказал: «Милосердие и долг велят мне сохранить и жизнь, и славу».

– А на чьей стороне истина в другой истории? – спросил Учитель. – Перевозчик, который жил на берегу реки, привык к воде, он смело плавал и управлял лодкой.

На переправе он зарабатывал столько, что ему хватало прокормить сотню ртов. И вот, захватив с собой провизию, к нему приходят учиться. И чуть ли не половина учеников тонет. Вот какой вред причинило многим то, что одному принесло такую пользу!

Судья встал и молча вышел, а ученик, который его привёл, стал его укорять:

– Зачем ты задал такой далёкий от темы вопрос? Учитель ответил так туманно. В результате я ещё больше запутался.

– Увы! – сказал судья. – Ты жил вблизи Преждерождённого, упражняясь в его учении, и так плохо его

понимаешь! Если баран пропал оттого, что на дороге много развилок, то философы теряют жизнь оттого, что наука многогранна. Это не означает, что учение в корне различно, что корень у него не один. Но это показывает, как далеко расходятся его ветви. Чтобы не погибнуть и обрести утраченное, необходимо возвращение к общему корню, необходимо возвращение к единству.

Встреча Конфуция и Лао-цзы

Лао-цзы жил в пещере, в горах. О его странностях ходили легенды. Конфуций отправился повидаться с Лао-цзы. Ученики остались ждать его у входа в пещеру. Когда он вышел, то весь трясся. Они спросили его:

– Что случилось?

– Я знаю, что зверь бегаёт, птица летает, рыба плавает. Бегающего можно поймать в капкан, плавающего – в сети, летающего – сбить стрелой. Что же касается дракона, то я ещё не знаю, как его поймать! Он не человек, он – дракон!

Даже ученики Лао-цзы были потрясены, потому что Конфуций был намного старше, его уважал народ, его уважали при дворе. И то, как повёл себя с ним Лао-цзы, было просто оскорбительным. Но не для Лао-цзы! Он был простым человеком, не высокомерным, не смиренным, просто чистым человеком. И если это больно ранило – его чистота, его обыковенность – если это так сильно задело Конфуция, то что он мог поделать?

Лао-цзы был чистым зеркалом, в котором отражалось все несовершенное.

Ученики спросили Лао-цзы:

– Что вы сделали?

– Я ничего не делал, я просто отражал! – ответил он.

Когда Конфуций посмотрел в глаза Лао-цзы, то понял, что этого человека невозможно обмануть. Конфуций попытался завести разговор о «высоком человеке», но Лао-цзы рассмеялся и сказал:

– Я никогда не видел что-либо «высшее» или «низшее». Человек есть человек, точно так же, как дерево есть дерево. Все участвуют в одном и том же Существовании. Нет никого, кто был бы выше или ниже. Это бессмыслица.

Тогда Конфуций спросил, что

происходит с человеком после смерти.

– Вы живёте, но разве можете вы сказать, что такое жизнь? – спросил в ответ Лао-цзы.

Конфуций смутился, а Лао-цзы продолжил:

– Вы не знаете этой жизни, в которой вы сейчас находитесь. И вместо того, чтобы познавать её, вы беспокоитесь о той, запредельной.

Природа и порядок

Конфуций пришёл к Лао-цзы и спросил:

– Что такое добро? Что такое зло? Дай чёткое определение. Ибо человеку необходимо на что-то опираться в своём действии.

Лао-цзы ответил:

– Определения создают путаницу, потому что подразумевают разделение. Вы говорите, что яблоко есть яблоко, а человек есть человек... Вы разделили. Вы говорите, что человек не есть яблоко. Жизнь является единым движением, а в тот момент, когда Вы даёте опреде-

ление, создаётся путаница. Все определения мертвы, а жизнь всегда в движении. Детство движется к юности, юность — к зрелости и т. д.; здоровье движется к болезни, болезнь — к здоровью. Где же вы проведёте черту, чтобы разделить их? Поэтому определения всегда ложны, они порождают неправду, так что не определяйте! Не говорите, что есть добро, а что — зло.

Конфуций спросил:

— Тогда как можно вести и направлять людей? Как научить их быть хорошими и моральными?

Лао-цзы ответил:

— Когда кто-то пытается сделать другого хорошим, в моих глазах это представляется грехом. Чем больше ведущих пытается создать порядок, тем больше беспорядка! Предоставьте каждого самому себе!

Конфуций продолжал спрашивать, а Лао-цзы лишь повторял:

— Природы достаточно, не нужно никакой морали, природа естественна, она — стихийна. В ней достаточно невинности! Знания не нужны!

Конфуций ушёл смущённым. Он не мог спать всю ночь. Когда ученики спросили его о встрече с Лао-цзы, он ответил:

— Это не человек, это — опасность. Избегайте его!

Когда Конфуций ушёл, Лао-цзы долго смеялся. Он сказал своим ученикам:

— Ум является барьером для понимания, даже ум Конфуция! Он совсем не понял меня. И что бы он ни сказал впоследствии обо мне, будет неправдой. Он считает, что создаёт порядок в мире! Порядок присущ миру, он всегда здесь. И тот, кто пытается создать порядок, создаст лишь беспорядок.

Высокая стена

К ученику Конфуция пришли поселяне и стали говорить:

— Ты такой мудрый и так хорошо говоришь, не то, что этот сварливый Конфуций!

На что он ответил:

— Мудрость как стена. Моя стена низкая, и вы видите, что за ней происходит, а стена Конфуция высокая — вам не видно, что за ней делается. Если вы хотите заглянуть за его стену, постройте сначала свою, с которой можно будет смотреть.

Где путь?

Учитель из Восточного Предместья спросил Чжуан-цзы:

– Где находится то, что называется «путь»?

– Повсюду, – ответил тот.

– Приведите пример, чтобы я смог понять.

– В муравье.

– А ещё ниже?

– В куколе.

– А ещё ниже?

– В черепице.

– А самое низкое?

– В моче и в кале.

Учитель из Восточного Предместья промолчал.

– Чжуан-цзы сказал:

– Не обязательно было приводить пример – нет вещи, которая бы пути избежала. Таков истинный путь, таковы же и слова о великом. Есть три слова: Чжоу, Бянь, Сянь. Звучат они различно, а сущность одна, они обозначают одно – «повсюду». Попытаемся вместе странствовать по дворцу «Нигде», и суждениям о единстве общего не будет конца и предела. Попытаемся вместе с Недеянием стать простыми и спокойными, чистыми и бесстрастными, гармоничными и праздными! Отвлеклась бы от всего моя мысль, куда бы ни направилась, не знала бы предела, уходила бы, возвращалась и не

знала бы, где остановиться. И я бы уходил и возвращался, не ведая, где она закончится, бродил бы по необъятным пространствам, вступил бы в область великого познания и не ведал бы, как его исчерпать. Вещество в вещах не ограничено от вещей, но вещи обладают пределом, так называемой границей вещи. Предел же беспредельного – это бесконечность конечного. Мы говорим о наполненном и пустом, об увядании и смерти. Для пути же наполненное не наполнено, пустое не пусто. Начало и конец для него не начало и конец; скопление и распад для него не скопление и не распад.

Два мастера

Гань-Ин в старину был замечательным стрелком. Лишь натянет лук – и звери ложатся, а птицы падают. У Гань-Ина обучался Стремительный Вэй и превзошёл в мастерстве своего наставника. К Стремительному Вэю и пришёл учиться Цзи-Чан.

Стремительный Вэй сказал ему:

– Сначала научись не моргать, а затем поговорим и о стрельбе.

Цзи-Чан вернулся домой, лёг под ткацкий станок своей жены и стал глядеть, как снуёт челнок. Через два года он не моргал, даже если его кололи в уголок глаза кончиком шила.

Цзи-Чан доложил об этом Стремительному Вэю, тот сказал:

– Этого ещё недостаточно. Теперь ещё научись смотреть, а потом можно и стрелять. Научись видеть малое – точно большое, туманное – точно ясное, а затем доложишь.

Чан подвесил к окну вошь на конском волосе и стал на неё глядеть, обернувшись лицом к югу. Через десять дней вошь стала расти в его глазах, а через три года уподобилась тележному колесу, все же остальные предметы казались ему величиной с холм или гору. Взял он лук из яньского рога, стрелу из цзинского бамбука, выстрелил и пронзил сердце вши, не порвав волоса.

Доложил об этом Стремительному Вэю. Стремительный Вэй ударил себя в грудь, затопал ногами и воскликнул:

– Ты овладел искусством!

Тогда Цзи-Чан понял, что во всей Поднебесной для него остался лишь один соперник, и задумал убить Стремительного Вэя.

Они встретились на пустыре и стали друг в друга стрелять. Стрелы их на полдороги сталкивались наконечниками и падали на землю, не поднимая пыли. Но вот у Стремительного Вэя иссякли стрелы, а у Цзи-Чана осталась ещё одна. Он спустил её, но Стремительный Вэй точно отразил стрелу колючкой кустарника.

И тут оба мастера заплакали, отбросили луки, поклонились друг другу до земли и просили друг друга считаться отцом и сыном. Каждый надкусил себе руку и кровью поклялся никому более не передавать своего мастерства.

Два учителя

Учитель Ле-цзы, после того как обучился у Лесного с Чаши-горы и подружился с Темнеющим Оком, поселился в Южном Предместье. Приверженцы его поселились тут же. Их каждый день считать не успевали, и сам Ле-цзы не знал, сколько их, хотя каждое утро он вёл с ними диспуты, и об этом стало повсюду известно. Учитель Ле-цзы двадцать лет прожил рядом с Учителем Южного Предместья, отделённый от него лишь оградой. Однако друг друга они не посещали и не приглашали, встречаясь же на улице, как будто друг друга не

замечали. Ученики и слуги у ворот считали, что между учителем Ле-цзы и Учителем Южного Предместья существует вражда.

Некий ученик спросил учителя Ле-цзы:

– Почему Вы, Преждерождённый, и Учитель Южного Предместья чуждаетесь друг друга?

– Зачем к нему ходить? – ответил учитель Ле-цзы. – Лицо Учителя Южного Предместья отличается полнотой, а сердце – пустотой, уши у него не слышат, глаза не видят, уста молчат, сердце не знает, тело не движется. И всё же попытаюсь вместе с тобой отправиться на него посмотреть.

С ними пошли сорок учеников. Они увидели, что лицо Учителя Южного Предместья действительно похоже на маску чудовища, с ним нельзя общаться. Повернулись к учителю Ле-цзы и увидели, что жизненная энергия у него отделилась от тела, и он вышел из толпы.

Вдруг Учитель Южного Предместья указал на ученика Ле-цзы в последнем ряду и заговорил с ним радостно, как будто перед ним совершеннейший и сильнейший. Ученики Ле-цзы удивились, и на обратном пути лица всех выражали сомнение.

– Чему вы так удивляетесь? – сказал Ле-цзы. – Добившийся

желаемого молчит, исчерпавший знания также молчит. Речь с помощью молчания – также речь, знание с помощью незнания – также знание. Отсутствие слов и молчание, отсутствие знаний и незнание – это ведь также речь, это ведь также знания. Значит, нет ничего, о чём бы ни говорил, нет ничего, о чём бы ни знал; значит также, что не о чём говорить, нечего знать. Только и всего.

Тени

Одна тень спросила у другой:

– Почему мы так непостоянны? Раньше двигались, а теперь почему-то остановились, раньше сидели, а теперь почему-то встали?

– Может быть, мы так поступаем в зависимости от чего-то? – ответила другая тень. – А может быть, мы так поступаем в зависимости от чего-то, зависящего ещё от чего-то? Завишу ли я от чешуи змеи, от крыла кузнечика? Как знать, почему это так? Как знать, почему это не так?

Девять испытаний

Конфуций сказал:

– Проникнуть в сердце человека труднее, чем пробраться в горное ущелье. Легче познать Небо, чем сердце человека.

Небо установило весну и осень, лето и зиму, день и ночь. У человека же лицо непроницаемо, чувства глубоко скрыты. Бывает, что человек с виду добр, а по натуре жаден; по виду способный, а на деле никчёмный; по виду деловит, а в душе празден; внешне мягок, а внутри груб. Вот почему получается так, что человек то стремится к добродетели, как умирающий от жажды – к воде, то бежит от неё, как от лесного пожара.

Вот почему мудрый правитель посылает человека в далёкий путь, чтобы испытать его преданность, и приближает, чтобы испытать его почтительность; даёт трудное поручение, чтобы испытать его способности; задаёт ему неожиданные вопросы, чтобы испытать его сообразительность; велит действовать быстро, чтобы испытать его доверие; доверяет ему богатство, чтобы испытать его совесть; извещает его об опасности, чтобы испытать его хладнокровие; поит его допьяна, чтобы испытать его склонности; сажает его рядом с женщинами, чтобы увидеть, похотлив ли он.

Таковы девять испытаний, по которым можно судить о людях.

Один – это много

Чжуан-цзы увиделся с лусским правителем, и тот ему сказал:

– В Лу много конфуцианцев, но мало ваших последователей.

– В Лу мало конфуцианцев, – возразил Чжуан-цзы.

– Как можно говорить, что их мало, когда по всему царству ходят люди в конфуцианских одеждах?

– Я слышал, будто конфуцианцы носят круглую шапку в знак того, что они познали бремя Небес, – сказал Чжуан-цзы. – Я слышал, будто они ходят в квадратной обуви в знак того, что познали форму Земли; подвешивают к поясу на

разноцветном шнуре нефритовое наперстье для стрельбы в знак того, что решают дела немедленно. Благородные мужи, обладающие этим учением, вряд ли носят такую одежду, а те, кто носит, вряд ли знают это учение. Вы, государь, конечно, думаете иначе. Но почему бы вам не объявить по всему царству: «Те, кто носят такую одежду, не зная этого учения, будут приговорены к смерти!»

И тогда правитель велел оглашать указ пять дней, и в Лу не посмели больше носить конфуцианскую одежду.

Лишь один муж в конфуцианской одежде остановился перед

царскими воротами. Царь сразу же призвал его, задал вопрос о государственных делах, и тот, отвечая, оказался неистощимым в тысяче вариантов и тьме оттенков.

— Во всём царстве Лу только один конфуцианец? — удивлённо воскликнул правитель.

— Вот это действительно много!
— сказал Чжуан-цзы.

Добровольный уход

Когда страной правил император Яо, он назначил Бочэн Цзыгао начальником над одной из провинций. После смерти Яо трон перешёл к Шуню, а от него — к императору Юю. Тогда Бочэн подал в отставку и уехал домой.

Юй очень огорчился, что такой мудрый чиновник оставил пост, и поехал навестить его. Когда император приехал к Бочэну, тот работал в поле. Юй поспешно подошёл к нему, поклонился и сказал:

— Когда императором был Яо, тебя назначили начальником провинции. Яо передал трон Шуню, а когда от него титул императора перешёл ко мне, ты ушёл в

отставку, и, как вижу, стал простым крестьянином, взялся за соху. Почему ты так поступил?

Цзыгао оставил плуг и сказал:

— Когда императором был Яо, люди жили по совести и не требовали за это награды, не делали зла, хотя и не страшились наказания. Ты же караешь и милуешь, однако люди ничуть не стали лучше. И я знаю, что отныне всё реже люди будут следовать пути добродетели, а суровых наказаний за непослушание будет всё больше. Семья будущей смуты уже брошена в землю. Так что оставь меня и не мешай мне работать.

Сказав это, он снова взялся за плуг и пошёл за волом, не оборачиваясь.

Дружба четырёх

Приносящий Жертвы, Носильщик, Пахарь и Приходящий, беседуя, сказали друг другу:

— Мы подружались бы с тем, кто способен считать небытие — головой, жизнь — позвоночником, а смерть — хвостом; с тем, кто понимает, что рождение и смерть, существование и гибель составляют единое целое.

Все четверо посмотрели друг на друга и рассмеялись. Ни у кого из них в сердце не возникло возражений, и они стали друзьями.

Но вдруг Носильщик заболел, и Приносящий Жертвы отправился его навестить.

– Как величественно то, что творит вещи, – воскликнул больной, – то, что сделало меня таким согбенным!

На его горбу открылся нарыв. Внутренности у него теснились в верхней части тела, подбородок касался пупка, плечи возвышались над макушкой, пучок волос на затылке торчал прямо в небеса, Эфир, силы жара и холода в нём пришли в смятение, но сердцем он был лёгок и беззаботен. Дотащившись до колодца и посмотрев на своё отражение, сказал:

– Как жаль! Таким горбуном создало меня то, что творит вещи!

– Тебе это не нравится?

– Нет, как может не нравиться?

Допустим, моя левая рука превратилась бы в петуха, и тогда я должен был бы кричать в полночь. Допустим, моя правая рука превратилась бы в самострел, и тогда я должен был бы добывать птицу на жаркое. Допустим, что мой крестец превратился бы в колеса, а моя душа – в коня, и на мне стали бы ездить, разве сменили бы упряжку? Ведь для обретения жизни наступает своё время, а её утрата следует за её ходом. Если довольствоваться своим временем и во всём за процессом следовать, к тебе не будут иметь доступа ни горе, ни радость. Древние и называли это освобождением от уз. Тех, кто не способен себя развязать, связывают

вещи. Но ведь вещам никогда не одолеть природу. Как же может мне это не понравиться?

Но вдруг заболел Приходящий. Он задышался перед смертью, а жена и дети стояли кругом и его оплакивали.

Придя его навестить, Пахарь на них прикрикнул:

– Прочь с дороги! Не тревожьте того, кто превращается!

И, прислонившись к дверям, сказал умирающему:

– Как величественно создание вещей! Что из тебя теперь получится? Куда тебя отправят? Превратишься ли в печень крысы? В плечо насекомого?

– Куда бы ни велели сыну идти

отец и мать – на восток или запад, на юг или север, он лишь повинуется приказанию, – ответил Приходящий. – Силы жара и холода человеку больше, чем родители. Если они приблизят ко мне смерть, а я послушаюсь, то окажусь строптивым. Разве их в чем-нибудь упрекнёшь? Ведь огромная масса снабдила меня телом, израсходовала мою жизнь в труде, дала мне отдых в старости, успокоила меня в смерти. То, что сделало хорошей мою жизнь, сделало хорошей и мою смерть. Если ныне великий литейщик станет плавить металл, а металл забурлит и скажет: «Я должен стать мечом Мосе!», – то великий

литейщик, конечно, сочтёт его плохим металлом. Если ныне тот, кто пребывал в форме человека, станет твердить: «Хочу снова быть человеком! Хочу снова быть человеком!», – то творящее вещи, конечно, сочтёт его плохим человеком. Если ныне примем небо и землю за огромный плавильный котел, а процесс создания за великого литейщика, то куда бы не могли мы отправиться? Завершил и засыпаю, а затем спокойно проснусь.

Жестокая власть

Однажды Конфуций проезжал неподалёку от горы. Какая-то женщина в голос рыдала над могилой. Склонившись в знак почтения на передок колесницы, Конфуций слушал её рыдания. А затем послал к женщине своего ученика, и тот спросил её:

– Вы так убиваетесь – похоже, что скорбите не впервой?

– Так оно и есть, – ответила женщина. – Когда-то от когтей тигра погиб мой свёкор. После от них же погиб мой муж. А теперь вот от них погиб мой сын.

– Отчего же не покинете эти места? – спросил Конфуций.

– Здесь нет жестоких властей, – ответила женщина.

– Запомни это, ученик, – сказал Конфуций. – Жестокая власть – свирепее тигра.

Достойные похороны

Чжуан-цзы лежал на смертном одре, и ученики собирались устроить ему пышные похороны. Чжуан-цзы сказал:

– Небо и Земля будут мне внутренним и внешним гробом, солнце и луна – парой нефритовых дисков, звёзды – жемчужинами, а вся тьма вещей – посмертными подношениями. Разве чего-то не хватает для моих похорон? Что можно к этому добавить?

– Но мы боимся, – ответили ученики, – что вас, учитель, склюют вороны и коршуны.

Чжуан-цзы сказал:

– На земле я достанусь воронам и коршунам, под землёй пойду на корм муравьям. За что же муравьям такое предпочтение?

Забывать о страхе, забыть о награде

Янь Хой обратился к Конфуцию с вопросом:

– Однажды я переправлялся через глубокий поток Шаншэнь, и перевозчик вёл лодку столь искусно, что мне показалось, будто он не человек, а всемогущий Бог. Я спросил, разве можно так научиться управлять лодкой, а он ответил: «Можно. Если ты хорошо плаваешь или ныряешь, ты сразу постигнешь это искусство». Ты не мог бы объяснить, что значат его слова?

Конфуций ответил:

– Хорошие пловцы быстро учатся управлять лодкой, потому что не боятся воды. Что до ныряльщиков, море для них – всё равно что суша, и перевернуться в лодке – всё равно что упасть с повозки. Вода поднимает и опускает их, они послушны волнам, не боятся их и знают: что бы ни случилось, они всегда выплывут на поверхность без усилий.

Представь, что идёт состязание лучников. Каждый хочет показать лучшее, на что он способен. Но если наградой будет серебряный кубок, лучник может стрелять вполсилы, а если золотая статуя –

он и вовсе потеряет голову и станет стрелять, словно слепой. Отчего один и тот же человек ведёт себя по-разному? Когда он думает о дорогой награде, руки не слушаются его. Искусство во всех случаях будет одно и то же, а вот внимание перейдёт на внешние вещи. Тот же, кто слишком внимателен к внешнему, неискусен во внутреннем.

Зеркало

Давным-давно один правитель построил огромный дворец. Это был дворец с миллионами зеркал – все стены, полы и потолки дворца были покрыты зеркалами.

Как-то во дворец забежала собака. Оглядевшись, она увидела множество собак вокруг себя. Собаки были повсюду. Будучи весьма разумной собакой, она оскалилась, чтобы на всякий случай защитить себя от этих миллионов окруживших её собак и испугать их. Все собаки оскалились в ответ. Она зарычала – они с угрозой ответили ей.

Теперь собака была уверена, что жизнь её в опасности, и стала лаять. Ей пришлось напрячься, она стала отчаянно лаять изо всех сил. Но когда она залаяла, те миллионы собак тоже начали лаять. И, чем больше она лаяла, тем больше отвечали ей они.

Утром эту собаку нашли мёртвой. А она была там одна – не было никого, кто угрожал бы ей, но она увидела саму себя в зеркалах и испугалась. И, когда она начала сражаться, отражения тоже вступили в борьбу. Она погибла в борьбе с миллионами собственных отражений, окружающих её.

Три волшебные вещи

Как-то крестьянин спас даоса, когда тот тонул. В благодарность за это даос отвёл его в свою пещеру. Там достал он из тайника огромную тыкву и вынул из неё три волшебные вещи: иглу, колотушку и жезл. Положив дары у ног крестьянина, даос сказал:

— Хоть эти вещи и неказисты на вид, заключена в них волшебная сила: игла дарует жизнь и излечивает все болезни, колотушка при ударе высекает золотые и серебряные монеты, а жезл даёт власть победить любое войско и уничтожить врагов. Ты спас мне жизнь и в

награду ты можешь выбрать одну из них.

Крестьянин, не долго думая, взял иглу и спрятал её у себя в поясе.

Даос удивился:

— Ты слишком быстро принял решение. Неужели тебя не прельщают богатство или власть?

— Я выбрал жизнь, — ответил мудрый крестьянин, — так как ни власть, ни богатство без неё цены не имеют, а, спасая жизни других, я, при желании, буду иметь и власть, и богатство. Вот почему мне милее игла, а что касается жезла и колотушки, то с ними хлопот не оберёшься.

Изменение Конфуция

Чжуан-цзы сказал Творящему Благо:

– Конфуций проповедовал своё учение шесть десятков лет, а в шестьдесят лет изменился. То, что вначале объявлял истинным, под конец объявил ложным. Он ещё не понял, не отрицал ли пятьдесят девять лет то, что называет ныне истинным?!

– Конфуций полон желаний трудиться, он преклоняется перед знаниями, – сказал Творящий Благо.

– Конфуций от этого отказался, но о своём отказе ещё не говорил, –

сказал Чжуан-цзы. – Слова Конфуция гласят: «Человек получает от великой основы свои способности, а затем и разум, чтобы родиться. Когда поёт, должен соблюдать тон, когда говорит, должен соблюдать правила. Если я пекусь о пользе и справедливости, то любовью и ненавистью, истинным и ложным покоряю лишь людские уста; а чтобы покорить людские сердца, должен решиться им противостоять и тогда определить установления Поднебесной. Увы! Увы! Ведь мне этого не достичь».

Искусство кражи

В царстве Ци жил Богач из рода Владеющих, а в царстве Сун – Бедняк из рода Откликающихся. Бедняк пришёл из Сун в Ци выпросить секрет богатства. Богач сказал:

– Я овладел искусством кражи. С тех пор, как начал красть, за первый год сумел прокормиться, за второй год добился достатка, за третий год – полного изобилия. И с тех пор раздаю милости в селениях области.

Бедняк очень обрадовался, но понял он лишь слово «кража», а не

способ воровства. И тут он принялся перелезть через ограду, взламывать ворота и тащить всё, что попадалось под руку, что бросалось в глаза. В скором времени, осудив его на рабство за кражу, конфисковали и то имущество, что было у него прежде.

Решив, что Богач его обманул, Бедняк пришёл к нему с упрёками.

– Как же ты грабил? – спросил Богач из рода Владеющих.

И Бедняк из рода Откликающихся рассказал, как было дело.

– Ох! – воскликнул Богач. – Как ошибся ты в способе воровства! Но теперь я тебе о нём поведаю.

Я узнал, что небо даёт времена года, а земля – прирост. И я стал грабить у неба погоду, а у земли – прирост; влагу у тучи дождя, недра у гор и равнин, чтобы посеять для себя семена, вырастить себе зерно, возвести себе ограду и построить себе дом. У суши я отбирал диких зверей и птиц, из воды крал рыб и черепах. Разве это мне принадлежало? Всё это мною награблено. Ведь семена и зёрна, земля и деревья, звери и птицы, рыбы и черепахи порождены природой. Я грабил природу и остался невредим. Но разве природой дарованы золото и нефрит, жемчуг и драго-

ценности, хлеб и шёлк, имущество и товары? Они собраны человеком! Как же упрекать осудивших тебя, если ты украл?

Решив в смятении, что Богач снова его обманул, Бедняк пошёл к Преждерождённому из Восточного предместья и спросил у него совета.

Тот ответил ему:

– Разве не похищено уже само твоё тело? Ведь, чтобы создать тебе жизнь и тело, обокрали соединение сил жары и холода, тем более не обойтись без похищения внешних вещей! Небо, земля и тьма вещей воистину неотделимы друг от друга. Тот, кто думает, что ими владеет, –

заблуждается. Грабёж для рода Владеющих – это общий путь, поэтому Богач и остался невредим; твой грабёж – это личное желание, поэтому ты навлёк на себя кару. Захват общего и частного – такой же грабёж, как и утрата общего и частного. Общее в общем и частное в частном – таково свойство природы Неба и Земли. Разве познавший свойства природы сочтёт кого-то вором или кого-то не вором?!

Секрет ремесла

Столяр Цин был лучшим в своём ремесле.

Однажды ему заказали сделать раму для колокола для правителя Лу. Когда работа была закончена, рама оказалась так прекрасна, что казалось, будто это дело рук богов или духов. Правитель Лу пришёл посмотреть и спросил у столяра, в чём секрет его искусства.

– Я простой ремесленник, – ответил Цин. – О каком искусстве ты говоришь? У меня есть только небольшие секреты ремесла, и я расскажу о них. Когда я решил сделать раму для колокола, мне не захотелось тратить попусту Ци –

энергию жизни, поэтому я постился, чтобы сосредоточиться и успокоить сердце.

После трёх дней поста я уже больше не думал ни о награде, ни о похвалах, ни о чине или деньгах, которые мог бы получить за хорошую работу. На пятый день я уже забыл, что за работу меня могут возвеличить или унижить, будут хвалить или бранить, я перестал предаваться мыслям о том, что одним мой труд может показаться искусным, а другим — грубым. К концу седьмого дня поста я достиг такой сосредоточенности духа, что забылся совершенно: не чувствовал ни рук, ни ног своих. Моё ремесло

захватило меня всего, а всё остальное перестало для меня существовать.

Тогда я пошёл в лес и через некоторое время увидел дерево, форма которого как раз подходила для рамы. Вот так мой дух, освобождённый от суетных забот, нашёл совершенное дерево. Может быть, именно поэтому люди говорят, что раму сделали боги или духи.

Мастерство управления колесницей

Учителя Отца Цзао звали Великим Бобом. Когда Отец Цзао пришёл к нему учиться управлять колесницей, то по обычаю держался очень скромно. Великий Боб же ничего ему не объяснял целых три года. Отец Цзао относился к учителю всё почтительнее, и тот, наконец, с ним заговорил:

– В старинной песне поётся:

Сын хорошего лучника

Сначала должен плести корзины.

Сын хорошего литейщика

Сначала должен шить шубы.

Ты сначала смотри, как я бегаю. Станешь бегать, как я, тогда сможешь взяться за шесть пар вожжей, управлять шестеркой коней.

– Буду лишь повиноваться приказу, – ответил Отец Цзао.

Тут Великий Боб сделал дорогу: на расстоянии шага один от другого установил столбы, на которых умещалась лишь ступня. По ним он стал ходить, бегать туда и обратно, не скользя и не падая.

Отец Цзао стал этому учиться и за три дня овладел его искусством.

– Как ты понятлив! Как быстро всё усвоил! – вздохнув, сказал Великий Боб. – Так поступает

Колесничий. Когда ты ходил, то овладел умением ногами, а откликнулся на него сердцем. Это и распространи на управление колесницей. Держи в порядке вожжи там, где они соединены с удилами, натягивай их или ослабляй в согласии с углами губ коней. Правильно соразмеряй мысль в своей груди, чувствуй ритм руками. Внутренне овладеешь волей, а внешне научишься угадывать желание коней. Тогда-то и сумеешь посылать коней вперед или отводить назад, словно по натянутому шнуру, делать повороты или кружиться, словно по угломеру и циркулю, и силы коней хватит с

избытком на любой, самый дальний путь. Вот это истинное мастерство. Овладев мастерством управления удилами, приводи в соответствие поводья; овладев мастерством управления поводьями, приводи в соответствие руки; когда руки овладеют мастерством, приводи в соответствие мысли. И тогда можешь уже не следить глазами и не подхлестывать кнутом. Будешь стоять прямо с лёгким сердцем, и шесть пар вожжей не перепутаются, и топот двадцати четырёх копыт будет равномерным, движения же совершенно точными при езде вперёд, назад, кругом и при поворотах. А

затем уж твоя колесница проедет всюду, где только поместятся колеса, всюду, где только хватит места для конских копыт. И тогда езда в любой местности станет для тебя одинаковой, не заметишь ни отвесных гор, ни узких ущелий, ни топи, ни равнины. На этом кончается моё искусство, и ты им овладел.

Испытание змеями

Однажды к патриарху клана Бессмертных привели несколько юношей, желающих постичь «вкус плода с дерева», и попросили назначить им испытание. Мудрейший повелел выкопать неподалеку от своего жилища несколько ям и поместить туда испытуемых. В каждую яму бросили по змее. Немного погодя Мудрейший со своими учениками пошёл взглянуть на юношей.

В первой яме сидел юноша с бледным, окаменевшим от страха лицом. Он прижался спиной к земляной стене, и ничто не могло

заставить его двинуться с места. Посмотрев на испытуемого, Мудрейший сказал своим ученикам:

— Этот человек не сможет постичь учение спокойных, так как по природе своей он жертва и всегда будет отдаваться на милость победителя. Ему предстоит затратить много усилий, прежде чем он научит помыслы повелевать телом.

Вторая яма оказалась пуста, так как подвергшийся испытанию юноша в страхе выскочил из неё и убежал. Заглянув в яму, Мудрейший сказал:

— Тот, кто сидел здесь, не сможет постичь учение спокойных, так как по природе своей он трус и трусливые помыслы владеют его

телом. Такой человек не сможет быть даже воином.

В следующей яме Мудрейший с учениками увидели торжествующего юношу, гордо сидящего над убитой змеей. Мудрейший печально покачал головой и сказал, обращаясь к своим ученикам:

— Тот, кто сидит в этой яме, совершил поступок воина, но он ещё не готов к постижению мудрости спокойных, так как его телом управляют помыслы хищника, и он не способен видеть картину мира.

В четвёртой яме сидел испытуемый с отрешённым лицом, а недалеко от него ползала змея.

– Этот юноша, – сказал Мудрейший, – видит картину мира, но у него разум аскета, а значит, он не сможет жить в гармонии с окружающим. Рано ему ещё постигать учение о спокойствии, так как пренебрегает он жизнью и не заботится о теле.

– Неужели никто из испытуемых не сможет следовать по пути Истины? – спросил один из учеников.

– Не следует спрашивать, – ответил Мудрейший, – когда знаешь, что ответить, ибо это ведёт к лени ума и беспомощности в жизни. Не следует препятствовать естественному ходу вещей, ибо

проявляя нетерпение, ты теряешь картину мира.

С этими словами устремился Мудрейший к последней яме, в которой увидел юношу без тени смятения на лице и с лёгкой улыбкой на губах. Змея также не показывала никаких признаков беспокойства, хотя и находилась невдалеке. Молча отошёл Мудрейший от ямы, и лишь войдя в дом, сказал ученикам:

– Видеть картину мира и жить с ним в гармонии, не препятствовать ходу вещей, но управлять их течением – разве не это истоки спокойствия? Завтра утром прошедший испытание станет вашим братом.

Совершенное странствование

Поначалу Ле-цзы очень любил путешествовать. Ху-цзы при встрече спросил его:

– Что тебе нравится в странствиях?

– Удовольствие от странствий в том, что ты всё время видишь перед собой что-то новое, – ответил Ле-цзы. – Другие люди отправляются в путешествие, чтобы полюбоваться видами, а я путешествую для того, чтобы созерцать превращения вещей. Путешествия! Путешествия! Нужно ещё поискать того, кто сможет объяснить, что это такое!

– Но разве вы путешествуете не так, как другие? Разве тут есть

какое-то отличие? Всё, что мы видим перед собой, непрерывно изменяется. Вы наслаждаетесь созерцанием перемен вокруг вас и не замечаете, что меняетесь сами. Вы увлекаетесь странствиями во внешнем мире и не знаете, что такое созерцание внутреннего. Во внешних странствиях мы ищем то, чего нам не хватает вовне, а посредством внутреннего созерцания постигаем изобилие внутри себя. Первое – это несовершенный способ путешествия, а второе – совершенный.

С тех пор Ле-цзы больше никуда не выезжал со двора, решив, что он и понятия не имел о том, что такое настоящее путешествие.

Ху-цзы сказал ему:

– Ну так странствуй же совершенным способом! В совершенном странствии мы не знаем, куда направляемся, мы не знаем, на что смотрим. Так мы можем посетить всё, что есть в мире, и увидеть всё, что бывает в мире. Вот что я называю истинным путешествием и истинным созерцанием. Поэтому я говорю тебе: «Путешествуй совершенным способом!»

Источник бед

Когда Иляо из Шинаня повстречался с правителем Лу, тот выглядел очень утомлённым.

– Отчего у вас такой усталый вид? – спросил Шинаньский учитель.

– Я изучил путь прежних царей и готовился продолжать дело моих предков, – ответил правитель Лу. – Я чту духов и оказываю уважение достойным мужам. Я всё делаю сам и не имею ни мгновения отдыха, однако так и не могу избавиться от забот. Вот почему я выгляжу таким утомлённым.

– Ваш способ избавления от забот, мой господин, никуда не годится, – сказал Шинаньский учитель. – Лиса с её пышным мехом и леопард с его пятнистой шкурой скрываются в лесах и горных пещерах, чтобы иметь покой. Они выходят наружу по ночам и отдыхают днём – настолько они осторожны. Даже когда им приходится терпеть голод и жажду, они позволяют себе лишь единожды выйти за добычей или на водопой – настолько они сдержанны. И если даже при их осторожности и сдержанности им порой не удаётся избежать капкана

или сети, то разве это их вина? Их мех и шкура – вот источник их несчастий. А разве царство Лу не является для вас такой же шкурой? Я бы посоветовал вам, мой господин, содрать с себя шкуру, очистить сердце, прогнать прочь желания и странствовать привольно в Безлюдном Просторе.

Звучание свирели

Владеющий Своими Чувствами из Южного предместья сидел, облокотясь о стол, отрешённый от всего, смотрел вверх и тихо дышал, словно отсутствовал. Странник Красоты Совершенной, стоявший в ожидании перед ним, спросил:

– Как же так? Неужели верно, что телом можно уподобиться сухому дереву, а сердцем – угасшему пеплу? Ведь тот, кто сидит, облокотясь о стол, сейчас уже не тот, кто сидел, облокотясь о стол, ранее!

– Как хорошо ты спросил, Странник! – сказал Владеющий

Своими Чувствами. – Понял ли ты, что сегодня я отрешился от самого себя? Когда ты услышал свирель человека, не знал ещё, что такое свирель земли; когда услышишь свирель земли, ещё не будешь знать, что такое свирель вселенной.

– Дозвольте спросить, как это узнать? – продолжал Странник.

– Вздохнёт земля и говорят, что подул ветер. Сейчас он стих. А заиграет – яростно завоюет сквозь тьму земных отверстий. Разве тебе не случалось слышать подобные голоса? Ущелья гор, массивы лесов, ямы от вывороченных с корнями деревьев-гигантов в сто обхватов подобны носу, рту, ушам; подобны

перекладам, оградкам, ступкам, подобны то стремительному потоку, то стоячей воде. Одни – бурлят, как поток, другие – свистят, как стрела. У одних – шумный выдох, у других – тихий вдох. Голоса высокие, низкие, звуки протяжные, отрывистые. Одни запевают, другие подхватывают. Прохладный ветерок – малый хор, а вихрь – хор огромный. Утихнет буйный ветер, и все отверстия опустеют. Разве ты не слышал последних вздохов затихающего ветра?

– Свирель земли создается всеми её отверстиями, как свирель человека – дырочками в бамбуке.

Осмелюсь ли спросить, что такое свирель вселенной? – сказал Странник.

– В ней звучит тьма ладов, и каждый сам по себе, – ответил Владеющий Своими Чувствами. – Все вещи звучат сами по себе, разве кто-нибудь на них воздействует?!

Хорошая жена

Однажды молодой воин клана «Ветви дерева» пришёл за советом к Птице – Хранительнице Чёрного Камня.

– О, священная Каменная Птица, – сказал воин после приветственного ритуала, – пришло время жениться, а я не знаю, как выбрать себе подругу жизни. Научи меня, как это сделать.

– Время никогда не приходит само – его выбирают, – ответила Птица. – А что касается выбора жены, то послушай-ка притчу:

Случилось так, что в одном селении жили два воина и оба они

были женаты. Сварливая и некрасивая женщина была замужем за мудрым и опытным воином, а молодому человеку, лишь недавно познавшему путь меча, досталась жена красивая да ласковая. Как-то друзья отправились в поход и разговорились в пути.

– Почему ты женился на такой сварливой и некрасивой женщине? – спросил молодой воин своего старшего товарища.

– Она верна и трудолюбива, – ответил тот, – но не это является главной причиной моего выбора...

Вдруг на дороге, по которой ехали воины, появилась толпа оборванцев, которые принялись осыпать друзей бранными словами и

такими обидными прозвищами, что молодой воин не выдержал и бросился на них, обнажив меч. Оборванцы ловко набросили на него сеть и, если бы не помощь старшего товарища, молодому воину пришлось бы худо.

Обратив разбойников в бегство, стариший сказал:

– Когда-то я был таким же обидчивым, как ты, и не владел порывами души, однако годы жизни с моей женой укрепили мой дух и исправили этот недостаток.

Вечером, когда друзья расположились на ночлег, молодой воин загрустил по своей красивой жене и сказал об этом приятелю, на что тот ответил так:

– Воин чаще бывает в походах, чем дома, и очень тяжело тому, кто грустит о домашнем уюте и ласковой жене. Это ещё одна причина, по которой я сделал такой выбор спутницы жизни...

Долго ещё рассказывала Хранительница Чёрного Камня длинную притчу о двух друзьях и их жёнах, но молодой воин клана «Ветви дерева» уже знал ответ на свой вопрос и слушал Птицу лишь потому, что ценил чужую мудрость и не жалел времени для учения.

Что такое катапульта

– Гуи Дзы вечно говорит загадками, – как-то пожаловался один из придворных принцу Ляну. – Повелитель, если ты запретишь ему употреблять иносказания, поверь, он ни одной мысли не сможет толково сформулировать.

Принц согласился и при следующей встрече обратился к Гуи Дзы:

– Отныне оставь, пожалуйста, свои иносказания и высказывайся прямо.

В ответ он услышал:

– Представьте себе человека, который не знает, что такое ката-

пульта. Он спрашивает, что это такое, а вы отвечаете ему, что катапульта – это катапульта. Как вы думаете, он вас поймёт?

– Конечно нет, – ответил принц.

– А если вы ответите, что катапульта напоминает лук и сделана из бамбука, ему будет понятнее?

– Да, понятнее, – согласился принц.

– Чтобы было понятнее, мы и сравниваем то, что человек не знает, с тем, что он знает, – пояснил Гуи Дзы.

Принц признал его правоту.

Лао-цзы

Быть Единым

Многие знатные люди хотели учиться у Лао-цзы, но это было невозможно. Люди были слишком определёнными, а Лао-цзы – это естественность, это сама природа. Чтобы учиться у Природы, нужно быть никем или всем. Быть Единым. Иначе будешь только препарировать Природу.

Говорят, что когда к Лао-цзы пришёл Чжуан-цзы, тот сказал:

– Прекрасно! Ты пришёл, чтобы быть моим Мастером?

Чжуан-цзы ответил:

– Оставим это! Почему мы не можем просто быть?

И он прикоснулся к ногам Лао-цзы. Тот воскликнул:

– Что ты делаешь?

Чжуан-цзы ответил:

– Не ставьте ничего между нами. Если я чувствую, что должен прикоснуться к вашим ногам, тогда никто не может помешать мне – ни вы, ни я. Мы просто наблюдаем, как это происходит!

Влюблённая лиса

Влюбилась как-то лиса в крестьянина. Пришла к нему и давай объясняться в любви, а тот в ответ – мол, не могу я тебя любить, у меня жена есть.

– Дурак ты, – говорит лисица. – Жена у тебя злая да сварливая, неряшливая да некрасивая, не любит тебя и давно извести хочет.

– Что ж, – отвечал крестьянин, – такая моя судьба.

На том разговор и кончился...

Взяла лисица большой котёл, наполнила водой и поставила на перекрёстке дорог на огонь. Жена крестьянина, идя мимо, спросила:

– Что ты тут варишь?

— Со всех сторон света собрала я счастье, удачу и богатство, положила их в котёл и варю колдовское зелье. Кто искупается в нём, тот станет всех краше, богаче и счастливее.

— А если я в котле искупаюсь, — спросила коварная женщина, — стану ли я всех красивее, богаче и счастливее?

— Стать-то станешь, — ответила лиса, — только готовлю я то варево для себя и никому другому не позволю в него окунуться.

— А готово ли варево? — снова спросила жена крестьянина.

— Давно готово. Вот сейчас сниму с себя шкуру и влезу в котёл.

Не успела лиса договорить, как женщина прыгнула в котёл и сварилась. А лисица, долго не мешкая, сняла с неё кожу и надела на себя. Потом повернулась мордой на восток и стала читать заклинания, одно длиннее другого. Не успело солнце скрыться за верхушками деревьев, как превратилась лиса в прекрасную девушку, похожую на жену крестьянина, как бывает похожа красивая дочь на уродливую мать. Приходит крестьянин домой, а его у порога с поклоном встречает молодая жена. Вошёл в дом, а там всё прибрано, пылинки не найти, повсюду шелка да наряды, а в сундуках золотые и серебряные монеты поблёскивают.

Удивился крестьянин, обрадовался, но виду не подал. Сытно поужинал и лёг спать с молодой женой. Так в довольстве и неге прожили они год, но однажды дождливой осенней ночью постучался в их жилище странствующий даос и попросился на ночлег. Приютил крестьянин даоса, утром вышел проводить его до ворот, а гость говорит:

– Знаешь ли ты, с кем делишь пищу, кров и постель?

Улыбнулся крестьянин и спрашивает:

– А станет ли мне от этого знания лучше жить?

Подумал даос, покачал головой и, ничего не сказав, пошёл своей дорогой.

Мастерство и естество

Некий житель царства Сун за три года вырезал для своего царя из нефрита лист дерева чу, такой совершенный – в зубчиках и со стебельком, в жилах и волосках, такой сложный и блестящий, что его нельзя было отличить от настоящих листьев дерева чу, даже смешав с ними. Этого человека за его мастерство стало кормить царство Сун.

Услышав об этом, учитель Лецзы сказал:

– Если бы Небо и Земля, порождая вещи, создавали за три

года один лист, то растений с листьями было бы очень мало. Поэтому мудрый человек полагается не на знания и мастерство, а на естественный процесс развития.

Лишь вспомнил

Жил мудрый и почтенный святой. Со всех концов страны просвещённые люди устремились лицезреть его мудрость, но тот хранил молчание. Он молчал пред всяким, приходившим с вопросом; вместо ответа он чертил на земле бамбуковым посохом: «Тот, кто удовлетворён в своём сердце, видит добро повсюду и во все времена». Иногда он писал: «Где есть неудовлетворённость, там все усилия напрасны», или же: «Пребывай в молчании, тишине, и ты познаешь».

Однако посетителей не удовлетворяли эти ответы, так они были слишком привязаны к словам.

Они не могли понять, почему мудрец не отвечает им прямо. Ведь он наверняка знает ответы. Другие мудрецы дают советы и предписывают разные методы, говорят о суровом подвижничестве, а что же делает этот? Его проповеди не услышишь ухом и как же их понимать?

Святой же этот был настоящим мистиком. Он не был аскетом, и у него не было никаких специальных рецептов и упражнений, только понимание – молчаливое понимание.

Однажды во время праздника перед ним появился юноша. При нём не было ни посоха, ни мудрых писаний, на его языке не вертелись

вопросы, только в глазах были устремлённость и великая страсть. Он подошёл к святому, не садясь, не ища места, чтобы возлечь, подобно другим, он взирал на безмятежное лицо старца, не говоря ни слова. Затем, к изумлению прочих, он взял посох из его рук и начертал на песке слова: «Как свет рассеивает тьму?»

Святой, взяв назад посох, написал: «Какая тьма? Разве ты потерялся во тьме?». Юный пилигрим начертал: «Теряет ли путь потерявшийся? В самом ли деле потерявшийся потерян?» Какое-то время мудрец созерцал лицо юноши, а затем написал на земле: «Лишь забыт».

Мудрец стёр всё написанное и начертал: «Какое желание привело тебя сюда?»

Множество жадных глаз следило за тем, как посох передавался из рук в руки: «Желания? У меня их нет».

Поглядев на пилигрима, святой взял посох, поднялся, вытянул правую руку и, трижды постучав им по земле, застыл в этой позе.

– Почему вы так сделали? – спросил пилигрим.

Мудрец написал: «Любопытство – форма желания».

Посох мелькал туда-сюда до тех пор, пока пилигрим не начертал: «Говорят, есть священная мантра, читая которую можно слиться воедино со Вселенной». Мудрец

написал в ответ: «Был ли ты когда-нибудь отделенным от Неё?»

Вдруг мудрец поднял посох и обрушил его на голову юноши, повергнув его в глубокий транс.

Сидя в самоотречении у ног великого мудреца в продолжение нескольких дней, юный пилигрим вкусил его блаженство. Ни разу не задал он вопроса, безграничная любовь расцвела между ними. На третий день мудрец нарушил свое многолетнее молчание.

– Вот ты и пришёл, наконец! – раздался его хриплый голос.

Юноша, продолжая молчать, заглянул в мудрые глаза старца, затем взял посох из его рук и написал: «Лишь вспомнил!»

Секрет ловца цикад

Направляясь в Чу, Конфуций вышел из леса и заметил Горбуна, который ловил цикад, будто просто их подбирал.

– Сколь ты искусен! – воскликнул Конфуций. – Обладаешь ли ты каким-либо секретом?

– Да! У меня есть секрет, – ответил ловец цикад. – В пятую-шестую луну кладу на коконы цикад шарики. Из тех, на которые положу два шарика, и шарики не упадут, теряю немногих. Из тех, на которые положу три шарика, и шарики не упадут, теряю одну из каждых десяти. Тех же, на которые положу пять шариков, и не упадут,

ловлю всех просто, будто подбираю. Я стою, словно старый пень, руки держу, словно сухие ветви. Как бы ни велика была вселенная, какая бы тьма тварей в ней ни существовала, мне ведомы лишь крылатые цикады. Почему бы мне их не ловить, если ничто другое не заставит меня шевельнуться, ни на что в мире я не сменяю крылышки цикады!

– Вот каковы речи того Горбуна! Воля его не рассеивается, а сгущается в душе! – изрёк Конфуций, обернувшись к своим ученикам.

Камень

Жил когда-то богатый купец и владел он драгоценным камнем, равного которому не было на всей земле. Днём и ночью любовался купец своим камнем, забывая о сне и еде, и здоровье его от этого стало ухудшаться.

Забеспокоилась жена купца и, захватив деньги и дары, отправилась за советом к мудрому даосу, слава о котором летела во все стороны света быстрее стрелы, пущенной из тугого лука. Даос благосклонно принял подарки и, обещав помочь, отправил несчастную женщину восвояси.

Через две ночи наступило полнолуние, и влюблённый в камень богач вышел в сад, чтобы полюбоваться, как лунный свет играет на гранях его сокровища, зажигая в мерцающей глубине камня разноцветные огни. Вдруг холодное дуновение коснулось щеки купца и, обернувшись, он увидел рядом с собой словно сотканную из мрака безликую фигуру в странной одежде из лохмотьев и перьев.

— Кто ты такой и что ты здесь делаешь? — испуганно спросил богач.

— Я — твоя смерть и пришла за тобой, — услышал он приглушённый голос.

– Но я ещё молод и не хочу умирать, – в ужасе прошептал купец.

– Я могу выполнить твоё последнее желание, – сказала смерть. – Проси о чём хочешь, кроме жизни.

– А я могу и после смерти не расставаться с камнем? – спросил богач с затаённой надеждой.

– Конечно, если таково твоё последнее желание, – равнодушно ответила смерть. – И ты и твоё сокровище будете навечно заключены в холодной непроглядной тьме. Ты не сможешь видеть свой камень, но будешь вечно сжимать его в руках.

– И я больше никогда не увижу

луны? – с тоской спросил купец.

– Ни луны, ни сада, ни родных, – захохотала смерть. – Ты не сможешь любоваться цветами, ласкать жену, вкушать лакомства, греться на солнце и подставлять лицо летнему ветерку. Но зачем тебе всё это? всю свою жизнь ты видел только одно – драгоценный камень, и после смерти ты не расстанешься с ним.

– Дай мне срок проститься с родными, – отчаянно закричал богач, падая на колени. – Я сделаю всё, что ты хочешь; только оставь мне ещё один день!

– Ладно, – сказала смерть, – я дам тебе один день, если за это ты

отдашь мне свою драгоценность.

Протянул купец смерти камень, даже не взглянув на него, и бегом бросился в дом. Мечется по комнатам, жену зовёт, а её нигде нет. Выбежал снова в сад, смотрит – у ворот жена стоит и держит в руках его заветную драгоценность.

– Откуда у тебя камень? – теряя рассудок, завопил богач. – Тебе дала его смерть?

– О чём ты говоришь? – удивилась жена. – Мне отдал его даос, когда выходил из нашего сада.

Понял тогда купец, кто был его ночной гость. Заплакал он от облегчения, потом рассмеялся, обнял жену, забрал у неё камень и, размахнувшись, зашвырнул его в реку.

Искусство повара

Повар царя Прекрасно-милостивого принялся разделывать тушу быка. Каждый взмах руки и наклон плеча, каждый шаг ноги и сгибание колена сопровождалось треском отделяемой от кости кожи, стуком ножа. Работа шла в чётком ритме, точно танец «В тутовой роще» или «Цзин шоу».

– Ах, как прекрасно! Как совершенно твоё мастерство! – вскричал Прекрасно-милостивый.

Опустив нож, повар сказал:

– Я, ваш слуга, привержен пути более, чем своему мастерству! Когда я, ваш слуга, стал впервые

разделывать быка, то видел лишь тушу, а через три года перестал замечать животное как единое целое. Теперь же я не смотрю на него, а понимаю его разумом, не воспринимаю его органами чувств, а действую лишь разумом. Следуя за естественными волокнами, режу сочленения, прохожу в полости, никогда не рублю то, что слишком твёрдо, — центральные жилы и связки, а тем более — большие кости.

Хороший повар режет, поэтому меняет нож раз в год. Посредственный повар рубит, а потому меняет нож раз в месяц. Ножу вашего слуги ныне девятнадцать

лет, я разделал им много тысяч бычьих туш, а лезвие у него словно только что заострено на точильном камне.

Меж сочленениями есть щели, а остриё ножа не имеет утолщения. Когда вводишь в щель тонкое лезвие, места, где погулять ножу, находится с избытком. Поэтому и через девятнадцать лет его лезвие словно только что заострено на точильном камне. Но, несмотря на это, каждый раз, подойдя к сложному сплетению, вижу, как трудно с ним справиться, страшусь и остерегаюсь, не отвожу глаз, веду нож медленно, едва шевеля. И вдруг так быстро заканчиваю

разделку, точно рассыпаю ком земли. Подняв нож, я постою, оглянусь по сторонам, пройду в нерешительности и, удовлетворённый, оботру нож и спрячу.

– Отлично! – воскликнул Прекрасно-милостивый. – Услышав рассказ повара, я понял, как достичь долголетия.

Надкусанный персик

Ми-Цзы был любимцем царя. А в его царстве был закон: тому, кто самовольно запряжёт царскую колесницу, отрубали ноги.

Как-то раз у Ми-Цзы захворала мать. Он смело взял царскую колесницу и поехал к матери. Государь же, услышав о том, пришёл в восхищение и сказал:

– Как же он почтителен! Ради матери забыл, что ему могли отрубить ноги!

А ещё как-то раз, прогуливаясь с государем в саду, Ми-Цзы сорвал персик. И до того был он сладок, что, съев половину, он предложил остатки государю. И государь сказал:

– Как же он меня любит! О себе забывает – лишь бы меня порадовать!

Когда же юная красота Ми-Цзы увяла, государь к нему охладел, и он впал в немилость. И теперь уже государь говорил:

– Каков! Ведь он осмелился без спросу воспользоваться моей колесницей. Да ещё угощал меня надкусанным персиком!

Истинное милосердие

Дан, главный жрец, ведающий закланием жертвенного скота в Шан, спросил Чжуан-цзы, что такое милосердие.

– Милосердны тигры и волки, – ответил Чжуан-цзы.

– Что это значит?

– Как же не милосердны, если волчица и волчата любят друг друга?

– Позвольте узнать об истинном милосердии!

– Для истинного милосердия не существует родственных чувств.

– Я, Дан, слышал о том, что без родства нет и любви, без любви нет

и сыновней почтительности. Ведь не может быть настоящего милосердия без почтительного отношения к родителям!

— Нет, это не так, — ответил Чжуан-цзы. — Настоящее милосердие высоко. О нём, конечно, не стоит и говорить, исходя из сыновней почтительности. В твоих же словах сыновняя почтительность не преувеличена, а преуменьшена. Ведь отчего, подходя к Ин с юга, не замечают на севере гору Миншань? Оттого, что она далека от Ин. Поэтому и говорится:

Уважать родителей легче, чем их любить.

Любить родителей легче, чем их забыть.

Забыть родителей легче, чем заставить родителей забыть о тебе.

Заставить родителей забыть о себе легче, чем самому забыть обо всем в Поднебесной.

Забыть обо всем в Поднебесной легче, чем заставить всех в Поднебесной о тебе забыть.

Ведь обладающий свойствами забывает про Высочайшего и Ограждающего и предаётся надеянию. Блага его распространяются на тьму поколений, а Поднебесная о нём и не знает. Как можно только вздыхать да твердить о милосердии, о сыновней почтительности? Ведь всем этим — почтительностью к родителям и старшим братьям, милосердием и справедливостью,

преданностью и доверием, целомудрием и честностью – люди заставляют себя служить собственной добродетели, большего всё это не стоит. Поэтому и говорится: «Настоящее благородство отвергает царские почести, настоящее богатство отвергает царскую сокровищницу, настоящие чаяния отвергают имя и славу». От всего этого путь не изменяется.

Самое важное

Конфуций отправился на запад, чтобы спрятать книги в чжоуском хранилище, а Цзы-Лу ему сказал:

– Я слышал, среди летописцев в Чжоу был Лао-цзы. Но он отказался от должности и вернулся к себе домой. Не отправиться ли к нему за помощью, если вы, учитель, хотите спрятать книги?

– Прекрасно, – сказал Конфуций и отправился к Лао-цзы, но тот отказался помочь, и Конфуций стал его убеждать, излагая все двенадцать основ.

– Слишком пространно, – прервал его Лао-цзы, – я хочу

услышать самое важное.

– Самое важное – это милосердие и справедливость, – ответил Конфуций.

– Разрешите узнать, каков характер милосердного и справедливого? – спросил Лао-цзы.

– Без милосердия нельзя стать благородным мужем; без справедливости нельзя даже родиться благородным мужем. Милосердие и справедливость – таков характер истинного человека. Как же может быть иначе?

– Разрешите спросить, – сказал Лао-цзы, – что вы называете милосердием и справедливостью?

– От души радоваться вместе со

всеми вещами, любить всех без пристрастия. Таковы чувства милосердия и справедливости, – ответил Конфуций.

– О! Почти как в речах последней. Любовь ко всем – разве это не нелепость? Беспристрастие – разве это не пристрастие? – сказал Лао-цзы. – Если вы, учитель, не хотите, чтобы Поднебесная лишилась своих пастырей, вы должны желать ей постоянства такого же, как у неба и земли. Ведь, конечно, будут светить солнце и луна, будет свой порядок у звёзд и планет, будут стаи птиц и стада зверей, и деревья будут расти вверх. Если бы вы, учитель, действовали, подражая их свойствам, следовали их путём, то уже

достигли бы истинного. К чему же столь рьяно вещать о милосердии и справедливости, словно с барабанным боем отыскивать потерянного сына? Вы, учитель, вносите смуту в нрав человека!

Конфуций спросил Лао-цзы:

— Можно ли назвать мудрым человека, который овладевает путём, будто подражая сильному: делая невозможное возможным, неистинное истинным; или же софиста, который говорит, что отделить твёрдое и белое ему так же легко, как различить светила на небе?

— Это суетливый мелкий слуга, который трепещет в душе и напрасно утруждает тело. Ведь

умение собаки загнать яка, ловкость обезьяны исходят из гор и лесов, — ответил Лао-цзы. — Я скажу тебе, Цю, о том, чего нельзя услышать, о чём нельзя рассказать. У многих есть голова и ноги, но нет ни сердца, ни слуха. Но нет таких, кто, обладая телом, существовал бы вместе с не имеющим ни тела, ни формы. Причины движения и покоя, смерти и рождения, уничтожения и появления не в самих людях, но некоторые из причин управляются людьми. Того же, кто забывает обо всех вещах, забывает о природе, уподоблю забывшему самого себя. Только забывшего о самом себе и назову слившимся с природой.

Миг забытья

В зрелом возрасте Хуа-цзы из рода Ян-Ли государства Сун потерял свою память. Он мог получить подарок утром и забыть об этом вечером; он мог дать подарок вечером и забыть об этом к утру. На улице он мог забыть идти, дома он мог забыть сесть. Сегодня он не мог вспомнить, что было вчера; завтра – что было сегодня.

Его семья забеспокоилась и пригласила прорицателя, чтобы он рассказал будущее Хуа-цзы, но безуспешно. Они пригласили шамана, чтобы совершить благоприятствующий обряд, но это ни к чему не привело. Они пригласили

доктора, чтобы вылечить его, но и это не принесло улучшения.

Был один конфуцианец из Лу, который объявил, что он может поправить дело. Жена и дети Хуа-цзы обещали ему в награду половину своего состояния.

Конфуцианец сказал им:

– Ясно, что это – заболевание, которое не может быть предсказано гексаграммами и прорицаниями, не может быть заколдовано благоприятствующими молитвами, не может быть излечено лекарствами и иглами. Я буду пытаться преобразовать его ум, изменить его мысли. Быть может, это восстановит его.

После этого конфуцианец пытался раздеть Хуа-цзы, и тот

искал свои одежды; пытался морить его голодом, и тот искал пищу; попытался закрыть его в темноте, и тот искал выход к свету.

Конфуцианец остался доволен и сказал его сыновьям:

– Болезнь излечима, но моё искусство пронесено тайным через поколения и не рассказывается посторонним. Поэтому я запрю его слух и останусь с ним наедине в его комнате на семь дней.

Они согласились – и никто не узнал, какие методы применял конфуцианец, но многолетняя болезнь рассеялась в одно утро.

Когда Хуа-цзы проснулся, он был очень зол. Он прогнал свою жену, наказал сыновей, погнался

с копьём за конфуцианцем. Власти Сун арестовали его и пожелали узнать причину.

– Раньше, когда я забывал, – сказал Хуа-цзы, – я был без границ, я не замечал, существуют ли небо и земля. Теперь внезапно я вспомнил – и все бедствия и их преодоление, приобретения и потери, радости и печали, любви и ненависти двадцати-тридцати прожитых лет поднялись тысячью перепутанных нитей. Я боюсь, что все эти бедствия и преодоление их, приобретения и потери, радости и печали, любви и ненависти придут и сильно поразят моё сердце. Найду ли я снова момент забытья?

Мудрость мира

Однажды пришёл к даосскому монаху человек и пожаловался, что, как ни пытается, не может понять мудрость мира. А так как он не может понять мудрость мира, он сомневается в мудрости Бога. Это очень смущает его, потому он и пришёл просить у мудреца помощи. Монах согласился помочь этому человеку, но при одном условии: тот будет выполнять его требования.

Первое его требование было таким: сидеть у берега и слушать, как поёт река.

– Это голос Бога, – сказал монах. Так человек и сделал. Но вечером,

в ответ на вопрос монаха, понял ли он мудрость мира, он покачал головой.

Тогда монах приказал человеку смотреть в костёр.

– Это танец Бога, – сказал он.

Но утром снова человек сказал, что не понял мудрость мира. Земля и воздух тоже ничего не сказали ему о мудрости мира, так как он не разглядел их тайн.

Монах подумал и сказал:

– Осталось заглянуть в себя, там таятся все твои сомнения.

И человек, увидев в своей душе отражение целой вселенной, понял мудрость Бога. И сомнения отступили, и покой заполнил его душу.

Нет ничего лучше пустоты

Некто спросил у учителя Ле-цзы:

– Почему ты ценишь пустоту?

– В пустоте нет ничего ценного,
– ответил Ле-цзы. – Дело не в названии. Нет ничего лучше покоя, нет ничего лучше пустоты. В покое, в пустоте обретаешь своё жилище, в стремлении взять теряешь своё жилище. Когда дела пошли плохо, прежнего не вернёшь игрой в «милосердие» и «справедливость».

Наставления мальчика

Жёлтый Владыка Хуан-Ди поехал навестить Тай-Квея, живущего на горе Чу-Цзы. Но не успел он доехать до города Сянчэна, как сбился с пути, и не у кого было узнать дорогу.

Наконец императору повстречался мальчик, пасший коней.

– Не знаешь ли ты, как проехать к горе Чу-Цзы? – спросил у него Жёлтый Владыка.

Мальчик ответил, что знает дорогу и даже знает, где живет Тай-Квей.

– Что за необычный мальчик!
– подумал Хуан-Ди. – Откуда он

軒轅黃帝像

蘇州
作
畫
師
吳
昌
碩

Император Хуан-Ди

знает, что мы направляемся именно к Тай-Квею? Может быть, спросить его, как мне лучше устроить жизнь в Поднебесной?

– Поднебесный мир нужно оставить таким, какой он есть, – ответил мальчик. – Что ещё с ним делать?

– И вправду, управлять Поднебесной – не твоя забота, – молвил Хуан-Ди. – Но всё-таки ответь, как мне быть с ней?

Пастушок не хотел отвечать, но император повторил свой вопрос.

– Управлять миром – не сложнее, чем пасти лошадей, – сказал тогда мальчик. – Достаточно устранять всё, что для лошадей

опасно, – вот и всё! Точно так же следует управлять и Поднебесным миром.

Император низко поклонился пастушку, назвал его «небесным наставником» и удалился.

Небесное совершенство

Первый министр Шунь спросил императора Яо:

– Какие добродетели проявляет небесный государь?

Император ответил:

– Я не насмехаюсь над беспомощными, не отворачиваюсь от бедняков. Я оплакиваю усопших, радуюсь новорождённому и жалею женщин.

– Что ж, – сказал Шунь, – это прекрасно, однако для истинного величия недостаточно.

– Как же, по-твоему, мне нужно поступать? – спросил император.

– Правитель, обладающий не-

бесным совершенством, – отвечал Шунь, – пребывает в покое, а возвышенный покой этот всё приводит в движение. Небо высоко, Земля спокойна. Солнце и луна светят, и времена года сменяют друг друга, как бегут друг за другом день и ночь.

– О, как я был суетлив! – воскликнул император. – Я искал единения с людьми, ты же стремишься к единению с Небом!

Несравненный скакун

Князь Му, повелитель Цзинь, сказал Болэ:

– Ты обременён годами. Может ли кто-нибудь из твоей семьи служить мне и выбирать лошадей вместо тебя?

Болэ отвечал:

– Хорошую лошадь узнают по её виду и движениям. Но несравненный скакун – тот, что не касается праха и не оставляет следа. Это нечто таинственное и неуловимое, неосязаемое, как утренний туман. Таланты моих сыновей не достигают высшей ступени: они могут отличить хорошую лошадь, посмотрев на неё, но узнать

несравненного скакуна они не могут. Однако есть у меня друг, по имени Цзю Фангао, торговец хворостом и овощами, — он не хуже меня знает толк в лошадях. Призови его к себе.

Князь так и сделал. Вскоре он послал Цзю Фангао на поиски коня.

Спустя три месяца тот вернулся и доложил, что лошадь найдена.

— Она теперь в Шаю, — добавил он.

— А какая она, эта лошадь? — спросил князь.

— Гнедая кобыла, — был ответ. Но когда послали за лошадью, оказалось, что это чёрный, как ворон, жеребец. Князь в неудовольствии вызвал к себе Болэ.

— Друг твой, которому я поручил найти коня, совсем осрамился. Он не в силах отличить жеребца от кобылы! Что он понимает в лошадях, если даже масть назвать не сумел?

Болэ вздохнул с глубоким облегчением:

— Неужели он и вправду достиг этого? — воскликнул он. — Тогда он стоит десяти тысяч таких, как я. Я не осмелюсь сравнить себя с ним, ибо Гао проникает в строение духа. Постигая сущность, он забывает несущественные черты; прозревая внутренние достоинства, он теряет представление о внешнем. Он умеет видеть то, что нужно видеть, и не замечать ненужного. Он

смотрит туда, куда следует смотреть, и пренебрегает тем, что смотреть не стоит. Мудрость Гао столь велика, что он мог бы судить и о более важных вещах, чем достоинства лошадей.

...И когда привели коня, оказалось, что он поистине не имеет себе равных.

Труд и праздность

Встретились однажды в пути два монаха и, чтобы скоротать время, затеяли разговор о труде и безделье. Один из них утверждал, что в Поднебесье лишь труд в почёте, другой же настаивал на том, что люди больше ценят лень и безделье.

Спорили они, спорили и решили обратиться к первому встречному, чтобы рассудил их и сказал, кто из них прав, а кто – нет. Смотрят, идёт по дороге крестьянин. Подошли к нему монахи и попросили стать судьёй в их споре. Крестьянин не заставил долго себя уговаривать и велел монахам задавать ему вопросы по очереди.

– Дорог ли тебе твой труд? – спросил крестьянина первый монах.

– Мне-то он дорог, а вот людьми не ценится. Тяжело мой труд, но платят за него мало, – ответил тот.

Второй монах задал вопрос:

– Если бы ты имел выбор – работать или не работать, в обоих случаях получая одинаковый доход, что бы ты предпочёл?

– Я сделал бы то, что и любой другой смертный на моём месте, – ответил крестьянин.

– А если бы все были трудолюбивы, захотел бы ты жить в таком мире? – спросил первый монах.

– Если бы все любили труд, то никто не хотел бы его облегчить. Нет, не хочу я жить в таком мире, – сказал крестьянин.

Так и проиграл спор трудолюбивый монах. Надо было ему задавать другие вопросы.

Огневая охота

Чжао Сянцзы с сотней тысяч человек отправился на огневую охоту в Срединные горы. Лес подожгли, и пламя охватило его на сотни ли. Вдруг из каменного утёса вышел человек, который поднимался и опускался вместе с дымом и пеплом. Все сказали, что это душа покойника. Пройдя через огонь, будто его и не было, тот человек неторопливо вышел.

Удивлённый Чжао Сянцзы остановил его и осмотрел. Фигурой, цветом, семью отверстиями в голове — человек; по дыханию, голосу — человек. И Чжао Сянцзы спросил:

— С помощью какого секрета живёшь ты в камне? С помощью какого секрета проходишь через огонь?

— Что называешь камнем? Что называешь огнём? — спросил его тот.

— То, откуда ты недавно вышел — камень; то, через что недавно прошёл — огонь.

— Не знаю об этом, — ответил человек.

Услышал об этом вэйский царь Прекрасный и спросил Цзыся, своего придворного мудреца:

— Что это был за человек?

— Я, Шан, слышал от Учителя, что человек, который обрёл гармо-

нию, во всём подобен другим вещам. Ничто не может его ни поранить, ни остановить. Он же может всё: и проходить через металл и камень, и ступать по воде или пламени.

– А почему ты этого не делаешь?
– спросил царь Прекрасный.

– Я, Шан, ещё не способен открыть своё сердце и очистить его от знаний. Хотя и пытаюсь говорить об этом, когда есть досуг.
– Почему не делает этого учитель?

– Учитель способен на это, – ответил Цзыся, – но способен и не делать этого.

Ответ очень понравился царю Прекрасному.

Окончательное желание

Один дровосек встретил в горах даосского бессмертного. Дровосек понравился ему, и он пообещал исполнить любое его желание. Дровосек попросил золота. Бессмертный коснулся огромного валуна пальцем, и тот немедленно превратился в золотой слиток. Увидев, что дровосек как-то странно смотрит на слиток и не берёт его, бессмертный спросил, не слишком ли мало он дал золота. На это дровосек ответил:

– Я передумал, мне больше не нужно золота. Мне нужен твой палец.

Он нашёл

Когда Лин-лею было около ста лет, однажды весной он надел халат и пошёл подбирать зёрна, обронённые жнецами. Продвигаясь по полю, он пел.

Конфуций, шедший тогда в Вэй, увидел его издалека. Обернувшись к ученикам, он сказал:

– С этим стариком, видимо, стоит поговорить. Кому-нибудь надо пойти узнать, что он может сказать.

Пойти вызвался Цзы-Гун. На краю межи он дождался Лин-лея и спросил его:

– Учитель, какое счастье позволяет тебе петь, подбирая зёрна?

– Основания для этого счастья есть у всех, – ответил Лин-лей, улыбаясь, – но, вместо этого, о нём горюют. Оттого, что я не изведал боли в молодости, учась себя вести, а, выросши, никогда не пытался оставить след в жизни, мне удалось прожить так долго. Оттого, что в старости у меня нет ни жены, ни сыновей и близится время моей смерти, я могу быть таким счастливым.

– Но ведь человеку свойственно желать прожить долго и бояться смерти, отчего же ты счастлив умереть?

– Смерть – возвращение туда, откуда мы вышли, когда родились.

Так откуда мне знать, что, умирая здесь, я не рождаюсь где-то ещё? Откуда мне знать, не стоят ли жизнь и смерть друг друга? Откуда мне знать, не заблуждение ли – так испуганно беспокоиться о жизни? Откуда мне знать, не будет ли близкая смерть лучше, чем моя прошедшая жизнь?

Отпускать птиц

Народ Ханьдана в день Нового года подносил своему правителю Цзянь-цзы горлиц. Радуюсь, Цзянь-цзы щедро всех награждал.

– Зачем? – спросил один гость.

– Проявляю милосердие – выпускаю птиц в день Нового года.

– Все знают, что царь любит отпускать птиц на волю, оттого и ловят горлиц, соревнуясь и губя при этом множество птиц. Если царь желает горлицам добра, пусть лучше запретит их ловить. Если же отпускать на волю пойманных, спасённые из милосердия не восполнят числа убитых.

– Верно! – согласился Цзянь-цзы.

Отрицание пути

Нерешительный по прозвищу Сладость Лотоса и Священный Земледелец вместе учились у Старого Дракона Счастливого. Как-то днём Священный Земледелец затворил двери и, опершись о столик, задремал. А в полдень, распахнув двери, к нему вошёл Нерешительный и сказал:

– Старый Дракон скончался!

Священный Земледелец со сна схватился за посох и вскочил, но вдруг отпустил посох и, улыбнувшись, сказал:

– О Небо! Он знал, как я невежествен, груб и распущен, поэтому бросил меня и умер. Увы! Учитель

умер, не открыв мне своих безумных слов.

Его речь услышал Насыпающий Курган, который выразил своё соболезнование и заметил:

– К воплотившему путь прибегают благородные мужи со всей Поднебесной. Ныне и тот, кто обрёл лишь волосок осенней паутины, меньше чем одну из десяти тысяч долей пути, понял, что умерший унёс с собой свои безумные речи, а тем более понимают это те, что воплотили путь. Смотрят на него – бесформенный; слушают его – беззвучный. Люди, о нём рассуждающие, называют его – тёмный-тёмный. Но так судить о пути – значит отрицать путь.

Победа мудреца

Однажды Конфуций оказался в осаждённом городе, на границе враждующих царств – Чэнь и Цай. Целую неделю у него не было горячей пищи, и ел он только отвар из лебеды, не приправленный рисом. За эти дни он сильно исхудал, однако и не думал отчаиваться: он сидел в своей комнате, играл на лютне и пел песни.

Янь Хой собирал овощи во дворе, а Цзы-Лу и Цзы-Гун беседовали между собой. Потом они обратились к Янь Хою:

– Учителя уже дважды изгоняли из Лу, из Вэй ему пришлось бежать,

в Сун на него повалили дерево, а в Чжоу он совершенно лишился средств к существованию. И вот теперь он сидит здесь, в этой проклятой крепости, и любой, кто первым захватит её, волен убить учителя или взять его в плен, хотя он не сделал ничего дурного. А он сидит себе, играет на своей лютне целыми днями. Разве может мудрец так себя вести?

Янь Хой не знал, что ответить, поэтому решил рассказать об этом разговоре Конфуцию. Учитель отложил лютню и сказал:

– Цзы-Лу и Цзы-Гун – ничтожные люди. Приведи их, я хочу поговорить с ними.

Когда ученики явились, первым

заговорил Цзы-Лу:

– Учитель, посмотри на себя! Ты попал в беду.

– Что это значит?! – возмутился Конфуций. – Когда мудрец следует Дао, для него это победа. Если у него нет такой возможности, значит, он не свободен, и это поражение. Я следую Дао человеколюбия и долга, и тревоги мира меня не касаются. Так отчего же ты говоришь, что я попал в беду? Я долго думал, заглянул в себя и не нашёл противоречий с внутренним Дао. И пусть путь мой труден и тернист, я не отрекусь от него. Посмотрите на вечнозелёные кипарисы и сосны. Не зимой ли они являют нам свою истинную природу? Крепость осаж-

дена, но для меня это – не беда, а счастье.

С этими словами он взял свою лютию и продолжал играть и петь.

А Цзы-Лу вдруг словно ожил и пустился в пляс. И тогда Цзы-Гун сказал, поражённый услышанным:

– Раньше я не понимал ни божественной высоты Неба, ни глубины Земли. Мужич древности, познавшие Дао, были счастливы и в тяжёлые времена, когда им угрожала смертельная опасность, и в мирное время. Счастье никак не зависит от того, в какое время ты живёшь. Где есть Дао и Дэ, там победа и поражение, радость и горе неотделимы от круговорота жары и холода, ветров и дождей.

Царский подарок

Учитель Ле-цзы попал в нужду и отощал от голода. Какой-то гость поведал об этом чжэнскому царю Цзы-Яну.

– Разве государь, – спросил он, – не прослывет врагом мужей, если постигший учение муж – Ле, Защита Разбойников, – бедствует в вашем царстве?

Чжэнский Цзы-Ян тотчас велел служителю одарить Ле-цзы просом. Учитель вышел к посланцу, дважды поклонился, но проса не принял. Посланец удалился. Ле-цзы вошёл в дом. Жена глянула на него, стала бить себя в грудь и сказала:

– Слышала я, что семья того, кто постиг учение, обретает покой и радость. Мы же совсем отощали от голода. Царь дарит Вам, Прежде-рождённому, зёрна. Разве это не судьба? А Вы, Прежде-рождённый, отказываетесь!

Ле-цзы улыбнулся и ответил:

– Царь шлёт в подарок просо, а сам меня не видел, знает обо мне лишь с чужих слов. Так с чужих слов он обвинит меня и в преступлении. Вот почему я не принял дара.

В поисках совершенства

Однажды к отшельнику пришёл странник и попросил наставить его на путь истины.

— Я знаю, что занимает твои мысли и крадёт радость бытия, — сказал отшельник. — Всю жизнь ты ищешь совершенства в людях и, не находя его, не можешь обрести покой. Но я знаю лекарство от твоей болезни. В общении с каждым следует искать лишь то, что тебе по душе, дополняя качества одного чертами другого и свойствами третьего. Тогда в дюжине мужчин ты сможешь обрести хорошего друга, а в дюжине женщин — великую любовь.

Полное присутствие

Когда-то давным-давно в Срединной Империи собрались на турнир со всего света самые лучшие, самые могучие бойцы. Судил состязания великий китайский мудрец. Наконец, после множества боев он выбрал троих самых великих воинов и попросил каждого рассказать, как тот тренируется.

Первым поднялся огромный свирепого вида боец и сказал:

— Каждое утро я ломаю деревья, камни, доски — всё, что попадётся под руку. Вокруг моего дома на день пути всё обращено в прах.

— Прекрасно, — сказал мудрец. — А как тренируешься ты? — спросил

он другого бойца.

Поднялся высокий худощавый человек, более похожий на монаха или аскета.

– Каждое утро я предаюсь медитации. Я беру своё тело под контроль разума и воли и заставляю его быть лёгким и быстрым, как мысль.

– Прекрасно, – сказал мудрец. – А как тренируешься ты? – спросил он третьего воина.

Поднялся ничем не примечательный на вид человек. Если бы он недавно не выиграл тысячу поединков, никто бы и не подумал, что это – воин, да ещё великий.

– А я вообще не тренируюсь, – сказал третий. – Просто я стараюсь присутствовать во всём, что делаю.

Польза бесполезного

Творящий Благо сказал Чжуан-цзы:

– Ты говоришь о бесполезном.

– С познавшим бесполезное можно говорить и о полезном, – ответил Чжуан-цзы. – Ведь земля и велика, и широка, а человек ею пользуется лишь в размере своей стопы. А полезна ли ещё человеку земля, когда рядом с его стопой роют ему могилу вплоть до Жёлтых источников?

– Бесполезна, – ответил Творящий Благо.

– В таком случае, – сказал Чжуан-цзы, – становится ясной и польза бесполезного.

Использовать, но не злоупотреблять

Гуньи Бо прославился своей силой среди правителей. Танци Гун рассказал о нём чжоускому царю Сюиньвану. Царь приготовил дары, чтобы его пригласить, и Гуньи Бо явился. При виде его немощной фигуры в сердце Сю-иньвана закралось подозрение.

— Какова твоя сила? — спросил он с сомнением.

— Силы моей, вашего слуги, хватит лишь, чтобы сломать ногу весенней саранчи да перебить крыло осенней цикады.

— У моих богатырей хватит силы,

чтобы разорвать шкуру носорога да утащить за хвосты девять буйволов, — в гневе воскликнул государь, — а я ещё огорчён их слабостью! Как же ты мог прославиться силой на всю Поднебесную, если способен лишь сломать ногу весенней саранчи да перебить крыло осенней цикады?

— Хорошо! — глубоко вздохнув, сказал Гуньи Бо. — На вопрос царя я, ваш слуга, осмелюсь ответить правду. Учил меня, вашего слугу, Наставник с Шангоры. Равного ему по силе не найдётся во всей Поднебесной. Но никто из шести родичей об этом не знал, ибо он никогда к силе не прибегал. Я, ваш слуга, услужил ему, рискуя жизнью, и тогда он поведал мне,

вашему слуге: «Все хотят узреть невиданное – смотри на то, на что другие не смотрят; все хотят овладеть недоступным – займись тем, чем никто не занимается. Поэтому тот, кто учится видеть, начинает с повозки с хворостом; тот, кто учится слышать, – с удара колокола. Ведь то, что легко внутри тебя, не трудно и вне тебя».

Слава моя, вашего слуги, не в том, чтобы своей силой злоупотреблять, а в том, как ею пользоваться. Разве это не лучше, чем злоупотреблять своей силой?

Понимание жизни

У Чжуан-цзы умерла жена, и Творящий Благо пришёл её оплакивать. Чжуан-цзы же сидел на корточках и пел, ударяя такт по глиняному тазу.

Творящий Благо сказал:

– Мало того, что вы не оплакиваете умершую, которая прожила с вами, своим мужем, до старости, и вырастила детей. Не слишком ли много себе позволяете, предаваясь пению, отбивая такт о таз?

– Это не так, – ответил Чжуан-цзы. – Могла ли меня не опечалить её кончина? Но затем я задумался о том, что было вначале, когда она ещё не родилась, не только не

родилась, но ещё не обладала телом, не только телом, но даже и эфиром. Слитая с неразличным, неуловимым, стала развиваться и обрела эфир, эфир развился, и обрела тело, тело развилось, и обрела жизнь. Ныне же прошла через новое развитие – смерть. Всё это сменяло друг друга, как времена года: весна и осень, лето и зима. И я понял, что плакать и причитать, когда она покоится в огромном доме, значит не понимать жизни. Поэтому и перестал.

Прежде неба и земли

Жань Цю спросил Конфуция:

– Можно ли узнать, что было прежде неба и земли?

– Можно, – ответил Конфуций.

– В древности было то же, что и ныне.

Потеряв нить разговора, Жань Цю ушёл.

На другой день снова явился к учителю и сказал:

– Вчера я спросил: «Можно ли узнать, что было прежде неба и земли?». Учитель ответил: «Можно. В древности было то же, что и ныне». Осмелюсь ли задать вопрос, почему вчера мне это было ясно, а сегодня – нет?

– Вчера было ясно, – ответил Конфуций, – ибо ты духовно заранее подготовился к восприятию ответа. Сегодня неясно, ибо ты ищешь ответа не для духовного. Нет ни древности, ни современности, нет ни начала, ни конца. А могли быть сыновья и внуки до того, как появились сыновья и внуки?

Жань Цю не успел ответить, как Конфуций продолжил:

– Постой! Не отвечай! Умирают не оттого, что рождаются живые; живут не оттого, что умирают мёртвые. И смерть, и жизнь от чего-то зависят; у них обеих есть единое общее. Разве было вещью то, что родилось прежде неба и

земли? Вещество в вещах – это не вещь. Вещи не могли появиться прежде вещей. Совершенно так же были вещи, совершенно так же появлялись вещи – без конца. Подражая этому, и мудрец также всегда бесконечен в любви к людям.

Принять имя

Муж по прозвищу Филигранщик пришёл к Лао-цзы и сказал:

– Я слышал, что вы, учитель, мудрый человек, и поэтому пришёл с вами повидаться. Меня не удержала и дальняя дорога. Прошёл мимо сотни постоянных дворов, ноги покрылись мозолями, но не смел остановиться. Ныне же я увидел, что вы не мудрец: у мышиных нор остатки риса, бросать его как попало – немилосердно. У вас полно и сырого, и варёного, а вы собираете и накапливаете без предела.

Лао-цзы с безразличным видом промолчал.

На другой день Филигранщик снова увиделся с Лао-цзы и сказал:

– Вчера я над вами насмеялся. Почему же сегодня моё сердце искренне от этого отказывается?

– Я и сам считал, что избавился от тех, кто ловко узнаёт проникающих и мудрых, – ответил Лао-цзы. – Если бы вчера вы назвали меня волком, и я назвался бы волком; назвали бы меня конём, и я назвался бы конём. Если, встретив какую-то сущность, кто-то даёт ей название, то, не приняв названия, примешь от такого беду. Я покорился не оттого, что был покорён, а покорился, не изменившись.

Филигранщик пошёл бочком, избегая его тени, вошёл прямо в

дом, не сняв обуви, и спросил:

– Как же мне совершенствоваться?

– Ведёшь себя высокомерно, смотришь дерзко, – сказал Лао-цзы. – Лоб у тебя высокий и простой, а рычишь, словно тигр, вид неестественный. Стоишь, будто конь на привязи. Умчался бы, а насильно себя удерживаешь. Кинешься – так стрелой, разбираешься – так в мелочах, прознал все хитрости, а смотришь безмятежно. Никто не найдёт тебя достойным доверия. На окраинах бывают такие, и имя им – воры.

Прогулка над Хао

Прогуливаясь с Творящим Благо по мосту через Хао, Чжуан-цзы сказал:

– Пескари привольно резвятся, в этом их радость!

– Ты же не рыба, – возразил Творящий Благо. – Откуда тебе знать, в чём её радость?

– Ты же не я, – возразил Чжуан-цзы. – Откуда тебе знать, что я знаю, а чего не знаю?

– Я не ты, – продолжал спорить Творящий Благо, – и, конечно, не ведаю, что ты знаешь, а чего не знаешь. Но ты-то не рыба, и не можешь знать, в чем её радость.

– Дозволь вернуться к началу, – сказал Чжуан-цзы. – «Откуда тебе знать, в чём её радость?» – спросил ты, я ответил, и ты узнал то, что знал я. Я же это узнал, гуляя над рекой Хао.

Следовать страстям

Царевич Моу из Срединных гор спросил у Чжуан-цзы:

– Как мне быть? Телом скитаюсь по рекам и морям, а сердцем пребываю у дворцовых ворот в Вэй.

– Цени жизнь, – ответил Чжуан-цзы. – Кто ценит жизнь, презирает выгоду.

– Знаю это, – ответил царский сын Моу, – да ещё не могу с собой совладать.

– Не можешь с собой совладать, – сказал Чжуан-цзы, – тогда следуй за своими страстями. Разума не повредишь. Помешать следовать за своими страстями тому, кто не

может с собой совладать, – значит нанести ему двойную рану. Человеку же с двойной раной не войти в число долголетних.

Моу был сыном вэйского царя, владевшего тьмой колесниц. Ему было труднее скрыться в пещере на высокой скале, чем мужу в холщовой одежде. Хотя он не достиг пути, но, можно сказать, имел о нём представление.

Самодовольный взгляд

Ян Чжу на юге достиг местности Пэй, и когда Лао-цзы, странствуя на запад, пришел в Цинь, встретил его на подступах – в Лян.

Посредине дороги Лао-цзы поднял взор к небу и вздохнул:

– Прежде думал, что тебя можно научить, ныне же вижу, что нельзя.

Ян Чжу промолчал. Когда же вошли в харчевню, Ян Чжу подал Лао-цзы воду для умывания и полоскания рта, полотенце и гребень. Оставив туфли за дверями, подполз к нему на коленях и заговорил:

– Недавно учитель подъял взор к небу, вздохнул и сказал: «Прежде

думал, что тебя можно научить, ныне же вижу, что нельзя», Мне, ученику, хотелось попросить объяснения, но не осмелился, ибо учитель сказал и продолжал путь без отдыха. Ныне же у учителя есть свободное время. Дозвольте мне задать вопрос: в чем моя вина?

– У тебя самодовольный взгляд, у тебя хвастливый взгляд. С кем сумеешь жить вместе? Ведь и чистейшая белизна кажется запятнанной, совершенное достоинство кажется недостаточным! – ответил Лао-цзы.

– Почтительно слушаюсь! – сказал Ян Чжу со всем уважением, изменившись в лице.

Прежде Ян Чжу в харчевне приветствовали женщины, хозяин приносил ему циновку, хозяйка подавала полотенце и гребень, сидевшие уступали место на циновке, гревшиеся давали место у очага. Когда же он вернулся, постояльцы стали спорить с ним за место на циновке.

Свет и Небытие

Свет спросил у Небытия: «Вы, учитель, существуете или не существуете?», – но не получил ответа. Вгляделся пристально в его облик: тёмное, пустое. Целый день смотри на него – не увидишь, слушай его – не услышишь, трогай его – не дотронешься.

– Совершенство! – воскликнул Свет. – Кто мог бы ещё достичь такого совершенства! Я способен быть или не быть, но не способен абсолютно не быть. А Небытие, как этого достигло?

Перемена платья

Младший брат Ян Чжу по имени Бу отправился гулять, надев белое платье. Пошёл дождь, он снял белое и сменил его на чёрное. Когда же вернулся домой, собака его не узнала и встретила лаем. Ян Бу рассердился и хотел побить собаку.

– Не бей! – сказал ему Ян Чжу. – Разве ты сам не удивился бы, если бы собака ушла белой, а вернулась чёрной? Ты поступил бы так же, как она.

Исполненное желание

Пришёл однажды монах в пещеру к отшельнику и обратился к нему со следующей речью:

– О, Достойный почитания, прошёл среди нашей братии слух о том, что ты зарабатываешь себе на пропитание каким-то необычным способом. Будь любезен, раскрой мне, в чём его суть?

Отшельник ответил:

– Всё просто: сначала создаю желание, а потом исполняю его.

Задумался монах и спросил:

– Говорят: лучше увидеть, чем услышать. Не может ли Достойный почитания показать мне, как он это делает?

– Конечно, может, – ответил отшельник и схватил монаха за горло, да так сильно, что у того дыхание перехватило.

Подождав немного, отшельник спросил монаха:

– Подышать хочешь?

Не в силах вымолвить ни слова, монах знаками показал, что очень хочет этого. Взяв плату за исполнение желания, отшельник спросил хрипящего и кашляющего монаха:

– Может быть ты посоветуешь кому-нибудь из своей братии обучиться моему ремеслу?

– Конечно, посоветую, – прохрипел монах, мысленно припоминая своих обидчиков.

Сон Чжуан Чжоу

Однажды императору Чжуан Чжоу приснилось, что он – весело пор-хающая бабочка. Он наслаждался от души и не сознавал, что он – Чжоу.

Но проснувшись, удивился, что он – Чжоу, и не мог понять: снилось ли Чжоу, что он – бабочка, или бабочке снится, что она – Чжоу.

Это и называют превращением вещей, тогда как между Чжоу и бабочкой непременно существует различие.

Неуместность отвращения

Однажды к Птице – Хранительнице Чёрного Камня обратился за советом юноша, решивший пойти в обучение к знахарю. Выполнив положенный ритуал приветствия и оказав Птице положенные знаки внимания, юноша обратился к ней со следующими словами:

– О, Мудрая Хранительница Камня, в жизни так много прекрасного и доброго, но ещё больше уродливого и отвратительного. С раннего детства я мечтал стать учеником знахаря и научиться врачевать людские пороки и недуги, но с рождения я не могу преодолеть в себе отвращения ко

всему грязному и некрасивому. Что мне делать, ведь став знахарем, я вынужден буду каждый день сталкиваться с тем, что сейчас кажется мне отвратительным? Как преодолеть отвращение и страх?

– Прекрасное не всегда содержит в себе доброе начало, а добро может творить злые дела, – сказала Птица. – Люди любят выдавать желаемое за действительное, искажая при этом истинную картину мира. Чтобы развеять твои сомнения, я расскажу тебе старую притчу...

И Каменная Птица начала свой рассказ:

Однажды столичный чиновник, долгое время не покидавший свой

дворец, все помещения и двор которого содержали в идеальной чистоте сотни слуг, вынужден был по делам службы отправиться в провинцию. Дорога была долгой и опасной. На пятый день пути стая голодных волков набросилась на чиновника и его свиту. Слуги и телохранители в страхе разбежались, оставив своего хозяина одного. Целую ночь, не разбирая дороги, пробирался чудом уцелевший чиновник сквозь лесную чащу. Утром измученный, в разорванной одежде он наткнулся на убогую хижину – жилище старого даоса и попросил у отшельника приюта и еды. Позавтракав и придя в себя, чиновник оглядел жилище даоса.

Оно показалось ему убогим и грязным. Вдруг чиновнику стало нестерпимо жаль себя, и он стал громко сетовать на свою судьбу.

– Кто бы мог подумать, – жалобно говорил чиновник, – что человек моего положения окажется когда-либо в таком грязном и убогом жилище! Кто бы мог подумать, что ему придётся довольствоваться скудной пищей, приготовленной грязными руками оборванца-отшельника!..

Услыхав такие речи, даос рассмеялся и сказал:

– На свете не бывает грязного или чистого, а есть лишь вездесущее и всенаполняющее, которое породило два начала, создавших всё

остальное. Поэтому следует опасаться лишь того, что содержит в себе яд и болезни или таит другую угрозу, а если кто-то убивает моего врага или другим способом спасает мою жизнь, мне безразлично грязные или чистые у него руки. Что же касается тебя, то даже в своём чистом и красивом дворце ты дышишь воздухом, в котором оправляются птицы и который наполняют зловония болот; пьёшь воду, в которой умирают и разлагаются рыбы и водоросли и ешь растения, подкормленные навозом. Так стоит ли испытывать отвращение к тому, что естественно и от этого казаться себе несчастнее, чем ты есть на самом деле?

Виновата судьба

Носильщик и Учитель с Тутового Двора были друзьями. Один раз, когда дождь лил целых десять дней, Носильщик сам себе сказал:

– Как бы с Учителем с Тутового Двора не случилась беда!

Он захватил с собой еду и отправился кормить друга. У ворот дома Учителя Носильщику послышался не то плач, не то пение. За ударом по струнам циня прозвучали слова:

О отец!

О мать!

О природа!

О люди!..

– Почему пел ты такую песню? –

войдя, спросил Носильщик.

– Я искал того, – ответил Учитель, – кто довел меня до такой крайности, но не знаю – кто. Неужели отец и мать желали мне такой бедности? Небо ведь беспристрастно всё покрывает, а земля беспристрастно всё поддерживает. Неужели небо и земля были пристрастны ко мне, сделав меня бедным? Я искал, кто это сделал, но не мог никого найти. Значит, то, что довело меня до такой крайности, – судьба.

Своевременная помощь

Чжуан-цзы родился в бедной семье, и в доме нередко не хватало еды. И вот как-то раз родители послали его занять немного риса у богача. Тот ответил:

– Разумеется, я могу помочь. Скоро я соберу подати с моей деревни и тогда смогу одолжить тебе триста монет серебром. Этого достаточно?

Чжуан-цзы гневно посмотрел на него и сказал:

– Вчера я шёл по дороге и вдруг кто-то окликнул меня. Я оглянулся и увидел в придорожной канаве пескаря. «Я повелитель вод Восточного океана, – сказал пескарь. – Не

найдётся ли у тебя хоть немного воды для меня? Ты бы спас мне жизнь». «Конечно! – ответил я. – Я как раз иду к правителю нашей провинции. Я попрошу его прорыть для тебя канал от Янцзы. Хорошо?» Но пескарь взглянул на меня гневно и сказал: «Неужели ты не видишь: я не могу жить без воды, и хотя я – повелитель волн, здесь, на суше, я бессилен. Несколько пригоршней воды спасли бы меня от смерти. Но если ты станешь рыть канал, то завтра найдёшь меня в рыбной лавке среди других сушёных рыб».

Секрет укротителя зверей

У чжоуского царя Сюаньвана начальником над пастухами был раб Жёрдочка Для Птиц. Он умел обращаться с дикими зверями и птицами и, собирая их, кормил во дворе и в саду. Он укрощал и приручал любого хищника, даже тигра и волка, орла или скопу. При нём самцы и самки спаривались и размножались. Самые разные виды зверей паслись рядом, не причиняя друг другу вреда.

Обеспокоенный тем, как бы секрет искусства раба не умер вместе с ним, царь приказал ему обучать Садовода с Маогоры.

Тот сказал Садоводу:

– Я, Жёрдочка, – презренный

раб. Какое искусство могу тебе передать? Боюсь, однако, как бы государь не обвинил меня в том, что я утаил от тебя секрет, а потому скажу вкратце, как обращаться с тиграми.

Радоваться, когда потакают, и сердиться, когда перечат, – в природе каждого, в ком течёт кровь. Но разве радость и гнев проявляются случайно? Гнев зверя вызывают, когда идут против его воли. Во время кормёжки не решаюсь давать тигру живого зверя: убивая его, тигр придёт в ярость; не решаюсь давать целую тушу: разрывая её, придёт в ярость. Своевременно кормлю голодного и постигаю, что приводит его в ярость. Тигр и человек принадлежат к различным видам.

Человек потакает тигру, и тигр к нему ласкается; перечит – и тигр его убивает. Но разве решусь я перечить тигру, чтобы привести его в гнев! Не решусь также и потакать ему, чтобы вызвать у него радость. Ведь от радости вернётся непременно к гневу, а от гнева вернётся снова к радости; ни тем, ни другим способом не достигну цели.

Ныне, когда у меня нет мысли ни потакать им, ни перечить, птицы и звери принимают меня за своего. Действую по закону природы – представляю каждого самому себе, поэтому они бродят по моему саду, не вспоминая о высотах горных лесов и просторах болот; засыпают на моём дворе, не стремясь в глубину гор и в тишину долин.

Управление государством

Некто спросил Конфуция:

– Почему вы не участвуете в управлении государством?

Учитель ответил:

– В Книге сказано: «Как ты почтителен к родителям! Ты почитаешь их, относишься с любовью к братьям и проявляешь всё это в делах правления».

Это и есть управление государством. Зачем же для участия в нём поступать на службу?

Оно пришло

Ученик сказал Лао-цзы:

– Учитель, я пришёл.

– Если ты говоришь, что пришёл, – ответил Лао-цзы, – ты, наверняка, ещё не пришёл.

Ученик ждал ещё несколько месяцев и однажды сказал:

– Вы были правы, Учитель, – теперь Оно пришло.

Лао-цзы взглянул на него с величайшим участием и любовью и потрепал по голове:

– Теперь всё в порядке, расскажи, что произошло. Теперь я с удовольствием выслушаю. Что случилось?

Ученик сказал:

– До того дня, как вы сказали: «Если ты говоришь, что пришёл, то наверняка не пришёл», я старался, делал всё, что мог. В день, когда вы это сказали, меня озарило. Как «я» может прийти? «Я» – это барьер, я должен уступить дорогу. Дао пришло, – сказал он. – Оно пришло лишь тогда, когда меня не стало.

– Расскажи остальным, как это произошло, – попросил Лао-цзы. И ученик ответил:

– Я могу сказать только, что я не был хорошим, не был плохим, не был грешником, не был святым, не был ни тем, ни этим, я не был кем бы то ни было, когда Оно пришло.

Я был лишь полной пассивностью, лишь дверью. Я даже не звал: ведь зов шёл бы с моей подписью. Я совершенно забыл о Нём, я просто сидел и даже не стремился, не рвался, не горел. Меня не было. И внезапно Оно преисполнило меня.

Хранитель Семи Врат

Хранитель Семи Врат был огорчён:

– Шлю людям нескончаемый поток чудес, но они не распознают их. Дарю новые звёзды, но свет их не изменяет человеческое мышление. Погружаю в глубину вод целые страны, но молчит сознание человеческое. Возношу горы и Учения Истины, но головы людей не обращаются к зову. Посылаю войны и мор, но даже ужас не вынуждает людей мыслить. Посылаю радость знания, но люди делают из священной трапезы похлёбку. Нет у Меня знаков, чтоб отвратить человечество от гибели!

Ответил Хранителю Высший:

– Когда строитель закладывает здание, разве он оповещает всех работающих на стройке? Немногие знают о задуманных размерах, только нескольким доверено знать назначение здания. Те, кто роют камни прежних оснований, не вместят даже одно основание новое. Не может огорчаться строитель, если у рабочих нет знания о сущности его замысла. Он только может соответственно распределять работу.

Также и о сознании людей – будем знать, что не вмещающие и не внимающие могут выполнять лишь низшую работу. Пусть один понимающий утвердится как сто тысяч мудрецов. И знаки развернутся для него как начертания.

Три вида храбрости

Купец спросил факира:

– Как ты не боишься держать змею за пазухой? Наверное, ты очень храбрый человек?

– Видишь ли, – ответил тот, – есть три вида храбрости: первая – когда храбрец не представляет размера опасности и поэтому не чувствует страха. Вторая – когда он представляет размер опасности, но пересиливает свой страх. А третий вид – это храбрость знания, когда благодаря знанию ты не боишься. А тот, кто не посвящён в тонкости дела, считает тебя храбрецом. Поэтому я не боюсь.

Чем ты владеешь?

Ограждающий спросил у своих помощников:

– Могут ли обрести путь и им владеть?

– Собственным телом не владеешь, как же можешь обрести путь и им владеть? – ответили ему.

– Но если я не владею собственным телом, то кто им владеет?

– Это скопление формы во вселенной. Жизнью своей ты не владеешь, ибо она – соединение частей неба и земли. Своими качествами и жизнью ты не владеешь, ибо это – случайное скопление во вселенной; своими

сыновьями и внуками ты не владеешь, ибо они – скопление сброшенной, как у змеи, кожи во вселенной. Поэтому ты идёшь, не зная куда, стоишь, не зная на чём, ешь, не зная почему. Во вселенной сильнее всего воздух и сила тепла. Как же можешь ты обрести их и ими владеть?

Как поступает мудрец

– Чем руководствуется мудрец в своих поступках? – спросили как-то Каменную Птицу.

– Мудрец всегда делает лучшее из того, что может, берёт доступное из того, что хочет, изучает то, что поддаётся познанию, во всём знает меру, не говорит ни да, ни нет. Разве этого не достаточно, чтобы понять остальное? – ответила Птица.

Чистое дыхание жизни

Учитель Ле-цзы спросил стража ворот Гуань-иня:

– Говорят, что высший человек идёт под водой – и не захлёбывается; ступает по огню – и не обжигается; воспаряет над всем миром – и не пугается. Как этого добиться?

– Этого добиваются не знаниями и ловкостью, а сохраняя чистоту жизненной силы, – ответил Гуань-инь. – Присядь, я расскажу тебе.

Всё, что обладает формой и образом, звучанием и цветом, – это вещи. Чем же отличаются друг от

друга вещи, и чем они превосходят друг друга? Formой и цветом — только и всего! Ведь вещи рождаются в Бесформенном и возвращаются в Неизменное. Какие могут преграды тому, кто это постиг? Такой человек пребывает в Неисчерпаемом и хоронит себя в Беспредельном, ходит у конца и начала всех вещей. Он бережёт цельность своей природы, пестует свой дух и приводит к согласию свои жизненные силы, дабы быть заодно с творением всего сущего. Небесное в нём сберегается в целостности, духовное в нём не терпит ущерба. Как же могут задеть его внешние вещи?

Вот так же и пьяный, упавший с повозки, может удариться сильно, а до смерти не убьётся. Тело у него такое же, как у других, а ушибётся он по-особому — ведь дух его целостен. Он не знал, что едет в повозке, и не знал, что свалился с неё, мечты о жизни и страх смерти не гнездились в его груди, и вот он, столкнувшись с каким-либо предметом, не ведает страха. Если человек может стать таким целостным от вина, то насколько же целостнее может он стать благодаря Небу?

Мудрый хоронит себя в небесном, и потому ничто не может ему повредить. Разве может что-то повредить Небу?

Что рождает великие мысли

Однажды крестьянин пришёл к Птице – Хранительнице Чёрного Камня, чтобы рассказать о приключившемся с ним.

Один учёный из столицы как-то остановился проездом в селе, где жил крестьянин, и после трапезы стал прогуливаться. Проходя мимо жилища крестьянина, он вдруг остановился, прервал свою прогулку и начал пристально всматриваться в стены дома. Потом надолго о чём-то задумался и, пребывая в раздумьях, вернулся назад.

Крестьянин догадался, что при созерцании стен дома у учёного человека родились какие-то мудрые мысли, и решил он обратиться к Птице за советом, как извлечь для себя выгоду из того, что его жилище становится источником мудрости.

– Видишь ли, – сказала Хранительница Чёрного Камня, – мысли рождает голова, а не жилище, но всегда следует помнить о том, что человек, даже глядя на самые обыденные вещи, может рассуждать о возвышенном и что в это время его могут посещать мудрые мысли.

Чжуан-цзы о загадках

– Можно ли говорить с людьми загадками? – спросил некто Чжуан-цзы, но тот промолчал.

– Если загадку уподобить камню, брошенному в реку, то что из этого выйдет? – продолжал настаивать человек.

– В царстве У хорошие водолазы. Они сумеют его достать, – ответил Чжуан-цзы.

– А если загадку уподобить воде, налитой в воду?

– Смешали воду из разных рек, но повар И попробовал и распознал их.

– Выходит, нельзя говорить загадками?

– Почему же нельзя? Но только понимает ли смысл слов сам говорящий? Ведь понимающий смысл слов не станет говорить словами, ибо истинные слова – без слов, а истинное деяние – не деяние. Ведь то, о чём спорят люди поверхностные, столь незначительно!

Бедно, но не плохо

Чжуан-цзы, одетый в залатанный полотняный халат, обутый в сандалии, подвязанные верёвками, проходил мимо правителя царства Вэй.

— Как плохо вам живётся, уважаемый! — воскликнул царь.

— Я живу бедно, но не плохо, — ответил Чжуан-цзы. — Иметь Путь и его силу и не претворять их в жизнь — вот что значит жить плохо. Одеваться в залатанный халат и носить дырявые сандалии — это значит жить бедно, но не плохо. Это называется «родиться в недобрый час». Не приходилось ли Вам видеть, господин, как лазает по

деревьям большая обезьяна? Она без труда влезает на кедр или камфарное дерево, проворно прыгает с ветки на ветку так, что лучник не успевает и прицелиться в неё. Попав же в заросли мелкого и колючего кустарника, она ступает боком, неуклюже и озирается по сторонам, то и дело оступаясь и теряя равновесие. И не в том дело, что ей приходится прилагать больше усилий или мускулы её ослабели. Просто она попала в неподходящую для неё обстановку и не имеет возможности показать, на что она способна. Так и человек: стоит ему оказаться в обществе дурного государя и чиновников-плутов, то даже если он хочет жить по-доброму, сможет ли он добиться желаемого?

Что такое путь

Великая Чистота спросила у Бесконечности:

– Знаешь ли ты, что такое путь?

– Я не знаю, – ответила Бесконечность.

Тогда Великая Чистота спросила о том же у Недеяния:

– Я знаю, – ответило Недеяние.

– Если ты знаешь путь, скажи, владеет ли он судьбами?

– Владеет.

– Какие же у него судьбы?

– Из тех, что я знаю, могут быть благородные, могут быть презренные, могут быть соединённые,

могут быть разделённые – вот судьбы пути, известные мне.

Об этих словах Великая Чистота спросила у Безначального:

– Кто же из них прав, а кто не прав? Бесконечность ли со своим незнанием, или Недеяние со своим знанием?

– Незнание глубже, а знание мельче, – ответило Безначальное. – Незнание внутреннее, а знание – внешнее.

И тут Великая Чистота со вздохом сказала:

– Тогда незнание – это знание? А знание – незнание? Но кто же познает знание незнания?

— Путь неслышим, — ответило Безначальное, — если слышим, значит, не путь. Путь невидим: если видим, значит, не путь. Путь не выразить в словах; если выражен, значит, не путь. Кто познал формирующее формы бесформенное, понимает, что путь нельзя назвать.

— Те, кто спрашивают о пути и отвечают о нём, не знают пути, — продолжило Безначальное. — Пусть даже спрашивающий о пути ещё не слышал о нём. О пути нельзя спрашивать, на вопросы о нём нет ответа. Спрашивающий о том, о чём нельзя спросить, заходит в тупик. Отвечающий на то, на что

нельзя ответить, не обладает внутренним знанием. Тот, кто, не обладая внутренним знанием, ожидает вопросов, заводящих в тупик, во внешнем не наблюдает вселенную, во внутреннем не знает первоначала. Вот почему таким не взойти на гору Союз Старших Братьев, не странствовать в великой пустоте.

Знание причин

Ле-цзы учился стрелять. Попав в цель, попросил указаний у Стража Границ. Страж Границ задал вопрос:

– Знаешь ли ты, почему попал в цель?

– Не знаю.

– Значит, ты ещё не овладел мастерством.

Ле-цзы ушёл, упражнялся три года и снова явился с докладом. Страж Границ спросил:

– Знаешь ли ты, почему попал в цель?

– Знаю, – ответил Ле-цзы.

– Значит, теперь ты овладел мастерством! Храни и не забывай! Поступай так, изучая не только стрельбу, но и себя самого, и царство. Ибо мудрый человек познаёт не существование и гибель, а их причины.

О МУДРОЙ СВИНЬЕ

Мудрая Свинья о морали

Однажды Мудрая Свинья задумалась о вопросах морали и, немного подумав, сказала вслух следующее:

– У каждого племени, клана и даже семьи, если на её подворье живут хотя бы три курицы, своя мораль. Одни считают достойным воина убить врага исподтишка, а другие – одолеть в рыцарском поединке. Одни убивают, чтобы облегчить мучения, другие сохраняют жизнь страдающему калеке. Перечисление сих противоречий

можно продолжать до бесконечности, но главное, что следует из всего этого, – если в глазах кого-то хочешь казаться человеком, следующим законам морали, поступай в соответствии с его взглядами.

Высказав всё это, Свинья удалилась к своей кормушке проверить, не осталось ли что-нибудь от вчерашнего ужина.

Мудрая Свинья о мудрости

Мудрую Свинью спросили, что она думает о мудрости. Не задумываясь, она ответила:

– Истинная мудрость предполагает не наличие знаний, а верность действий; не свершения великих дел большого ума, но избегание глупостей; не изучение обстоятельств, но память о чужих неудачах. Истинная мудрость не терпит излишеств и бахвальства, что всегда у людей в почёте, оттого и мало мудрых: труд большой, а славы мало.

– Ответь-ка, Свинья, – спросили её, – в чём заключается труд избегать ошибок?

– В борьбе с желанием сделать глупость, а в случае удачи – в противоборстве с собственной гордыней, ведущей к бедам и позору, – ответила она.

– А почему гордыня ведёт к беде, – спросили Свинью, но та прервала беседу, так как наступило Время Еды, и не может быть ничего глупее, чем упускать пищу, достающуюся даром.

Относительная ценность

Скупой крестьянин построил отхожее место так, чтобы нечистоты, сливаясь на скотный двор, частично попадали в кормушку к свиньям.

Однажды коза, пасущаяся за изгородью на сочной, зелёной траве, не выдержала отвратительного зрелища насыщающихся свиней и с презрением обратилась к ним со следующей речью:

– Как вы можете терять свое лицо и поедать эту мерзкую жижу, от одного запаха которой может умереть птица в полёте?

В ту пору в этом стаде свиней гостила у своей тётушки Мудрая

Свинья, которая совершала паломничество в Индию и остановилась здесь, чтобы отдохнуть и набраться сил перед дальней дорогой. Она ответила козе так:

– Кажущаяся тебе отвратительной пища не противоречит нашей природе, а укрепляет её. Так и ты, с удовольствием питаешься травой, не станешь есть землю, служащую пищей растениям, а стая голодных собак всегда предпочтет твоё мясо самой сочной и вкусной зелени...

Так и в мире людей – что не годится одному, может принести неоценимую пользу другому.

Блюдо из собаки

Однажды к Мудрой Свинье обратился за советом бедняк.

— Недавно у меня умер отец и оставил в наследство трёх собак. Так как охранять мне нечего, я решил их съесть, но не знаю, какую из собак зарезать первой и какие блюда из них приготовить?

Свинье стало жаль собак, и она сказала бедняку:

— Такое наследство может кормить умного всю его жизнь, а глупому не хватит и на неделю. Приводи ко мне собак, и ровно через месяц я научу тебя, как извлекать из них пользу.

Ровно через месяц крестьянин пришёл к свинье и увидел неподалёку от свинарника новый дом, во дворе которого на мягких подушках лежали сытые и расчёсанные собаки, доставшиеся ему в наследство.

— Вот твой дом и твои собаки, — сказала Свинья. — В доме хватит пищи для всех вас на долгое время, а в шкатулках из нефрита есть деньги на всякую всячину. Завтра с утра к тебе начнут приходить люди за исцелением. Лекарства ты найдёшь в плетёных коробочках, но каждый день ты должен пополнять их запасы. А теперь слушай и запоминай.

Тут Свинья рассказала, как и против каких болезней использовать шерсть, кал и кровь чёрной, жёлтой и белой собак, но не рассказала, как применять их жёлчь и мясо, чтобы не лишать бедняка источника благополучия, а собак — жизни.

Поистине полезно бывает знать о сути и предназначении вещей.

Манеры и еда

Мудрую Свинью спросили:

— Почему во время еды ты становишься в пищу ногами?

— Я люблю ощущать еду не только ртом, но и телом, Когда я, насыщаясь, ощущаю прикосновение пищи к ногам, то получаю от этого двойное удовольствие.

— А как же манеры, присущие достойному воспитанию?

— Манеры предназначены для окружающих, а удовольствие для себя. Если основа удовольствия исходит от моей природы, то само удовольствие приносит пользу, — объяснила Мудрая Свинья.

– Но ведь и манеры приносят пользу!

– Когда манеры приносят мне больше пользы, чем удовольствия, я не ставлю ноги в еду, – гордо ответила свинья и ушла по своим делам.

Дорога или храм?

Однажды Мудрая Свинья возвращалась домой после паломничества в один из храмов Индии и повстречала в дороге юношу, идущего в том же направлении. Они познакомились и завели беседу о путешествии, ведь всем известно, что даже короткий разговор сокращает путь.

Юноша стал рассказывать Свинье о чудодейственной силе стен храма, поклониться которому он ходил. Достаточно было кому-нибудь потереть ладонями камни стен, как все его желания тотчас же

исполнялись.

– А исполнились ли твои желания? – спросила Свинья. – И чего ты желал?

– Я желал здоровья, богатства и храбрости, так как именно этого мне всегда не хватало, – ответил юноша.

– Ну и как же ты их получил? – поинтересовалась Свинья.

– Дорога к храму была долгой и тяжёлой, но её тяготы закалили и укрепили моё тело. Однажды, уже в Индии, мне посчастливилось найти большой кувшин с золотом, и я стал богатым. Когда же до храма оставалось всего три дня пути, на

меня напали разбойники, но я превозмог свой страх и обратил их в бегство. Так я получил всё, что пожелал.

– Как неразумно поступают люди, – сказала Мудрая Свинья, – им надо было сделать священной дорогу, а не храм.

– Что может быть священного в дороге? – удивился юноша.

– Так что же исполнило твои желания – храм или всё-таки дорога? – спросила Свинья.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Даосизм – философско-религиозное течение традиционного Китая, одно из его главных «трех учений» – сань цзяо (два других – конфуцианство и буддизм), возникшее на основе религиозно-магической культуры шаманского типа. Название «Дао» предположительно происходит от названия одной из древнекитайских шаманских практик – «гуй дао».

Основателем даосизма считается Лао-цзы, однако ряд заповедей, возможно, восходит к легендарному «Жёлтому Императору» Хуанди – центральному Первопредку мироздания, который почитался как первый император Китая и правил, согласно легенде, с 2698 по 2598 г. до н. э.

Лао-цзы родился в 604 году до н. э. в местечке Кеку-Зин, близ современного Пекина. Его настоящее имя было Ли Эр, но современники прозвали его Лао-цзы («престарелый философ», «старый ребёнок»). О его жизни известно немного, да и то, что известно, в основном можно отнести к области легенд. Предполагается, что он служил в императорском архиве, где в 517 году произошла знаменитая встреча Лао-цзы с Конфуцием, описанная историографом Сима-цзянем. Лао-Цзы без энтузиазма отнёсся к вере Конфуция в действенность нравственной проповеди, так как сам придерживался иного подхода – «увэй» т. е. «недеяния», предоставления всего сущего самому себе.

Перед смертью Лао-цзы написал книгу, состоящую из 5000 иероглифов и послужившую источником вдохновения для создания *Дао дэ цзин*, или «Книги

Пути и Добродетели». Согласно легенде, эту книгу он написал по просьбе начальника пограничной заставы перед тем, как верхом на буйволе навсегда покинуть Китай и скрыться в заснеженных Гималаях.

Около 300 г. до н. э., спустя двести лет после составления Дао дэ цзин, даосский ученый Чжуан Чжоу написал трактат *Чжуан-цзы*, в котором дается толкование постулатов даосизма. Согласно Чжуан-цзы, дос-тичь дао можно только путём непосредственного переживания, а не путём теоретических и спекулятивных рассуждений. Идеал – это «истинный человек», то есть такой, который, следуя дао, деятелен и независим. Трактат *Чжуан-цзы* написан в форме притч, новелл и диалогов и направлен против учений Конфуция и Мо-цзы.

По сведениям историка Сымы-цзяня, Чжуан-цзы жил во второй половине IV

века до н. э. и умер в начале следующего столетия. В молодости он служил смотрителем на плантациях лаковых деревьев, но впоследствии оставил государственную службу, предпочтя жизнь свободного философа.

Даосское учение о бессмертии, возникшее во времена эпох Цинь (221–207г. до н. э.) и Хань (206 – 220 г. н. э.), во многом противоречит концепциям Лао-цзы и Чжуан-цзы, которые рассматривали смерть как естественную составляющую природного цикла. Укоренение идеи бессмертия привело к развитию даосской алхимии, основной целью которой является создание эликсира бессмертия. Во внешней среде он выступает в качестве субстанции, пригодной для поглощения её организмом; во внутренней алхимии («нэй дань»), зародившейся в эпоху Тан (618-907), он представляет собой тот самый жизнен-

ный ресурс, который даосы стремятся вычлениить, сохранить и приумножить.

Классическими трудами по внутренней алхимии являются сборники *Дао Шу* («Стержень Дао», около 1140 г.) и *Сючэнь Ши-шу* («Десять писаний о культуре совершенства», после 1200 г.).

Для человека, принадлежащего западной культурной традиции, философско-религиозное учение даосизма противоречиво, загадочно и притягательно. Оно содержит постоянное побуждение к поиску Пути, но не даёт внятных определений этого поиска. Говоря словами Лао-цзы: «Те, кто говорят, что могут объяснить Дао, не понимают его, а те, кто понимают его, не объясняют ничего».

СОДЕРЖАНИЕ

Дао дождя.....	5
Голос.....	7
Никаких желаний.....	9
Даос и судьба.....	11
Испорченная прогулка.....	12
Болезнь или мудрость.....	14
Извивающийся змей.....	17
Мудрый царь.....	20
Будьте живыми.....	22
Приметы вора.....	25
Была ли корысть.....	26
Вера в ложь.....	27
Ввериться потоку.....	33
Верховный судья.....	36
Возвращение к единству.....	40
Встреча Конфуция и Лао-цзы.....	45
Природа и порядок.....	49
Высокая стена.....	53
Где путь?.....	54
Два мастера.....	57

Два учителя.....	61
Тени.....	65
Девять испытаний.....	66
Один – это много.....	68
Добровольный уход.....	71
Дружба четырёх.....	73
Жестокая власть.....	79
Достойные похороны.....	81
Забыть о страхе.....	83
Зеркало.....	86
Три волшебные вещи.....	88
Изменение Конфуция.....	90
Искусство кражи.....	92
Секрет ремесла.....	97
Мастерство управления колесницей.....	100
Испытание змеями.....	105
Совершенное странствование.....	110
Источник бед.....	113
Звучание свирели.....	116
Хорошая жена.....	120
Что такое катапульта.....	124
Быть Единым.....	127

Влюблённая лиса.....	129
Мастерство и естество.....	133
Лишь вспомнил.....	135
Секрет ловца цикад.....	140
Камень.....	142
Искусство повара.....	147
Надкусанный персик.....	151
Истинное милосердие.....	153
Самое важное.....	157
Миг забытья.....	162
Мудрость мира.....	166
Нет ничего лучше пустоты.....	168
Наставления мальчика.....	169
Небесное совершенство.....	173
Несравненный скакун.....	175
Труд и праздность.....	179
Огневая охота.....	182
Окончательное желание.....	185
Он нашёл.....	186
Отпускать птиц.....	189
Отрицание пути.....	190
Победа мудреца.....	192

Царский подарок.....	196
В поисках совершенства.....	198
Полное присутствие.....	199
Польза бесполезного.....	201
Использовать, но не злоупотреблять.....	202
Понимание жизни.....	205
Прежде неба и земли.....	207
Принять имя.....	210
Прогулка над Хао.....	213
Следовать страстям.....	216
Самодовольный взгляд.....	218
Свет и Небытие.....	221
Перемена платья.....	222
Исполненное желание.....	223
Сон Чжуан Чжоу.....	225
Неуместность отращения.....	226
Виновата судьба.....	231
Своевременная помощь.....	233
Секрет укротителя зверей.....	235
Управление государством.....	239
Оно пришло.....	240

Хранитель Семи Врат.....	243
Три вида храбрости.....	245
Чем ты владеешь?.....	246
Как поступает мудрец.....	248
Чистое дыхание жизни.....	249
Что рождает великие мысли.....	252
Чжуан-цзы о загадках.....	254
Бедно, но не плохо.....	256
Что такое путь.....	258
Знание причин.....	262

О МУДРОЙ СВИНЬЕ

Мудрая Свинья о морали.....	264
Мудрая Свинья о мудрости.....	266
Относительная ценность.....	268
Блюдо из собаки.....	270
Манеры и еда.....	273
Дорога или храм?.....	275

*Послесловие.....*288

ДАОССКИЕ ПРИТЧИ

Гл. редактор Т. А. Попова
Оригинал-макет А. С. Карачева
Корректор В. С. Иванова

Подписано к печати 28.03.2012

Формат 70 x 100 1/64.

Печать офсетная. Бумага Ensoluxcream.

На переплете тиснение фольгой Kurz

Тираж 2300 экз. Заказ N 16

Отпечатано в Bookwell OY, Finland, Porvoo

ООО «АНИМА»
e-mail: anima-info@yandex.ru

ООО «Август»
Отдел продаж:
august-books@yandex.ru
+7 (963) 244-62-08

ISBN 978-5-905348-16-7

